

Религиозная организация –
Духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская духовная семинария
Русской Православной Церкви»

Кафедра богословия и библеистики

ПЕРЕВОДНАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Выпускная квалификационная работа
студента IV курса бакалавриата ВДС
чтеца Петрунина Дмитрия Владимировича

Работа завершена:

« ___ » _____ 2023 г. _____ (Петрунин Д.В., чтец)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

« ___ » _____ 2023 г. _____ (к.ф.н., Горбачук Г. Н.,

протоиерей)

Заведующий кафедрой

« ___ » _____ 2023 г. _____ (к.ф.н., Абрамов А. В.)

Проректор по научно-богословской работе

« ___ » _____ 2023 г. _____ (к.ю.н., Абрамов А.Е.)

Владимир 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРЕВОДНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	8
1.1. Библейские переводы и их роль в становлении и развитии литературы Древней Руси	8
1.2. Своеобразие древнерусских переводов.....	17
1.3. Некоторые замечание о характере переводной церковной литературы	20
ГЛАВА II. ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НА РУССКОЙ ПОЧВЕ.....	33
2.1. Богослужебные книги, агиография, каноника.....	33
2.2. Богословско-учительная и полемическая литература	48
2.3. История и естествознание в переводных сочинениях церковных писателей.....	62
2.4. Роль переводов в становлении древнерусской оригинальной литературы (на примере летописей).....	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	75
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	77

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Актуальность темы настоящей Выпускной квалификационной работы состоит в том, чтобы показать переводную на древнерусский язык византийскую и южнославянскую литературу как источник зарождения и формирования оригинальной литературы Древней Руси и в первую очередь литературы православной духовно-нравственного содержания. Она глобально повлияла на выработку цивилизационного кода российского народа, который должно хранить и укреплять для сохранения государственности и самоидентификации россиян.

Работа является откликом на Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В Указе отмечено, что «особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» (I. Общие положения, п. 6). Кроме того, в Указе говорится: «Усилия, предпринимаемые Российской Федерацией для развития духовного потенциала ее народа, способствуют повышению сплоченности российского общества, осознанию гражданами необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ситуация в России и в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей» (II. Оценка ситуации, основные угрозы и риски для традиционных ценностей, сценарии развития ситуации, п. 11, 12).

Указ также отмечает, что «целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей являются... поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей, противодействие деструктивным религиозным течениям... привлечение институтов гражданского общества, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей» (III. Цели и задачи государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей: 23, 24 ж; IV. Инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей: 26 д)¹.

В Указе отмечены риски, которые несет с собой деструктивная антироссийская идеология. Среди них названо «искажение исторической правды, разрушение исторической памяти» (II. 17 е). В связи с этим в работе кратко отмечена роль древнерусских летописей в сохранении исторического наследия нашей страны. Сами же летописи, их позитивная идеология выросла на основе духовно-нравственной переводной православной литературы.

В вышеизложенном контексте настоящая Выпускная квалификационная работа является и современной, и актуальной.

Новизна исследования

Новизна исследования состоит в том, что, как можно полагать, настоящая работа является одной из первых работ в духовных школах Русской Православной Церкви в вышеуказанном направлении по укреплению православных духовно-нравственных ценностей.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Дата обращения 20.05.2023 г.)

Объект исследования

Литература Древней Руси.

Предмет исследования

Переводная церковная литература Древней Руси.

Цель исследования

Целью данной работы является обнаружение и исследование духовно-нравственного потенциала переводной церковной литературы Древней Руси.

Задачи исследования

Задачи, которые были определены в процессе написания настоящей Выпускной квалификационной работы, сводятся к следующим позициям:

- дать описание древнерусских библейских переводов и выявить их роль в становлении и развитии литературы Древней Руси;
- выявить и указать на своеобразие древнерусских переводов, ее характер и особенности;
- представить византийскую церковную письменность на русской почве;
- показать на примере летописей роль переводов в становлении древнерусской оригинальной литературы, а также значение летописей в сохранении исторической правды.

Методология исследования

Методология, которая была использована в настоящей Выпускной квалификационной работе, была обусловлена целями и задачами работы, а также характером привлеченного для рассмотрения материала:

Во-первых, это метод сравнительно-интерпретирующего анализа материала на основе богословского и литературно-философского дискурса;

Во-вторых, это метод церковно-исторического освоения материала, связанного с анализом переводной церковной литературы Древней Руси;

В третьих, это метод анализа влияния переводной церковной литературы Древней Руси на формирование оригинальной русской литературы.

Апробация исследования

1) Апробация материала работы проводилась на семинарских занятиях по предметам Истории Русской Церкви, Церковному праву, Литургике, Русской литературы во Владимирской свято-Феофановской духовной семинарии;

2) На основе материала настоящей ВКР в семинарском храме была произнесена проповедь.

Практическая значимость работы

Практическая значимость работы состоит в том, что она может быть использована в учебном процессе духовных школ по предметам Истории Русской Церкви, Церковному праву, Литургике, Русской литературы, а также в светских учебных заведениях в качестве дополнительного материала, где осваиваются учебные курсы древнерусской литературы, а также религиоведческие дисциплины.

Структура исследования

Структура работы выстроена следующим образом: введение, две главы, заключение, список использованных источников и литературы.

Во введении к работе представлены мотивы выбора темы, её актуальность, новизна исследования и степень научной разработанности проблемы. Определены также объект и предмет исследования. Указаны цель исследования и его задача. Приведена методология, которая использована для раскрытия темы работы. Здесь же содержится информация об апробации работы и её возможном практическом применении.

В заключении подводятся итоги работы, показывается какими средствами и методами были достигнуты намеченные цели и решены поставленные задачи.

ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРЕВОДНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Библейские переводы и их роль в становлении и развитии литературы Древней Руси

В какие бы страны не приходили христианские проповедники со Словом евангельского благовестия, они стремились дать письменность местному народу, чтобы закрепить это спасительное Слово в уме и сердце новообращенного народа, а затем перевести самые авторитетные тексты христианства на новый язык.

Так поступили, насаждая православие среди славян, и святые Кирилл и Мефодий. Создав для славян азбуку и вообще письменность. Они сразу же приступили к переводу наиболее важных текстов Библии (в первую очередь новозаветных) и некоторых богослужебных книг. Эту работу продолжили и их преемники. Уже с конца X, а особенно в XI веке на Руси распространилась масса южнославянских библейских переводов, которые шли с Болгарии и частично с Моравии.

На Руси Библия явилась первым памятником, с которым связано создание алфавита, принципов письма и перевода. Следует отметить, что библейские переводы выполнялись значительно точнее и строже, чем любого другого заимствованного произведения. Язык Библии являлся своего рода эталоном, языковой нормой, к которой надлежало стремиться создателям других переводов и самобытных сочинений. При переписывании исключалось какое-либо отклонение от оригинала или переделка. Копировка осуществлялась с абсолютной строгостью, а с появлением книгопечатания Библия была издана первой.

Следует также отметить, что "история славянских языков и славянской письменной культуры в первые века ее существования изучена, прежде всего, на основе рукописей Священного Писания"¹.

Библия оказала сильнейшее влияние на зарождавшуюся древнерусскую литературу вообще, а на церковную в первую очередь. Она придала ей неповторимое стилистическое своеобразие, так как послужила мощным источником фразеологизмов, цитат, литературных сюжетов и аллюзий.

Переводческая и редакторская работа над уже готовыми переводами, не прекращалась на Руси, как и в других славянских странах, и в последующие века, вплоть до настоящего времени². Количество рукописей Ветхого Завета, за весь древнерусский период, начиная с XI до XII века, доходит до четырех с половиной тысяч экземпляров, а новозаветных в два или три раза больше. Ни одно литературное произведение, будь оно церковным или светским, не могло сравниться в Древней Руси с Библией по количественному показателю своего распространения.

Библейские рукописи представляют нам различные виды "компоновки" библейского текста в связи с его целевым, функциональным использованием. Обычно их делят на служебные, четьи и толковые. Происхождение и история каждого типа славянских библейских рукописей различны.

I. Служебный тип рукописей, предназначенных для чтения библейских текстов за богослужением, представлен самыми древнейшими списками. Кирилл и Мефодий в первую очередь переводили именно эти тексты. Не вникая в подробности, скажем лишь, что этот тип составляют четыре группы библейских Книг: Евангелие-апракос (служебное недельное евангелие), Апостол-апракос, Паримийник, Следованная псалтирь (к

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 69.

² Библия. С. 89 – 200. // Православная Энциклопедия. Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Том V. Церковно-научный центр "Православная энциклопедия". М., 2002. – 752 с.

собственно Псалтири здесь добавлены "последования дневных служб", другие богослужебные чины, уставные указания и т.д. – иногда до пятидесяти наименований).

Древнейшие списки:

1) Евангелие-апракос:

Саввина книга, Ассеминево евангелие, (X - XI вв., болгарское происхождение), Остромирово евангелие (1056 – 1057); Мстиславова евангелие (самое начало XII в., русское происхождение);

2) Апостол-апракос: Южноболгарские-Еннинский, Охридский, Слепченский (XII в.), Мануйловский (XIII в.), Псковский (1307 г., русский);

3) Паримийник: "Григоровичев паримийник" (XII в., болгарское происхождение), Захарьинский паримийник (написан во Пскове в 1271 г.);

4) Следованная псалтирь: Слуцкая (XI в.; издана И.И. Срезневским, в 1868 г., но ныне утрачена), Бычковская (XI в.), Синайская (XI в., болгарская), Симоновская (XII в., русского происхождения).

В 2000-м году в Великом Новгороде археологами была обнаружена Псалтирь, которую академик В. Янин, заведующий кафедрой археологии МГУ, считает древнейшей из обнаруженных славянских рукописей, намного старше того же Остромирова евангелия.

II. Четый тип библейских рукописей предназначался для индивидуального, келейного употребления. "Появление этого типа у славян связано с переводом основных библейских книг, совершенным Мефодием уже после смерти Кирилла"¹. По количеству входивших в эти рукописи библейских книг эти сборники были различны.

Во-первых, это Четвероевангелие. Вероятно, только оно было переведено при жизни Кирилла, путем восполнения недостающих частей краткого евангелия-апракоса. Древнейшие списки четых евангелий писаны глаголицей. 1) Южнославянские (X – XI вв.): Зографское и Мариинское евангелия; 2) Восточнославянские: Галичское евангелие (1144 г.).

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 74.

Во-вторых, имелся и апостол четьего типа. И евангелие и апостол четьего типа могли использоваться и при богослужении, так как текст в них разбивался на зачала богослужебного дня. Кроме того, в них входил дополнительный материал: "Сказания", предисловия, оглавления, некоторые тропари, прокимны, уставные указания и т.д., месящеслов.

Постепенно четьи евангелие и апостол вытеснили богослужебный, апракосный их тип. Иван Федоров первым напечатал в Москве именно четьи апостол (1564 г.) и евангелие.

Что касается ветхозаветных книг четьего типа, то они чаще всего объединялись по тематическому признаку: Пятикнижие, исторические книги, книги "премудростей" (притчи Соломона, Екклесиаст иногда Псалтирь), пророческие и т. д. Пятикнижие и исторические книги часто объединялись в составе Хронографа или Палеи Толковой. Книги "премудростей" и пророческие служили древнерусскому христианину источником нравственного учения, подвигали его к размышлению, богословскому и философскому умозрению. Древнейший из дошедших до нас сборников ветхозаветных книг написан в Болгарии в 1350-1370 гг.

III Толковый тип библейских книг тесно связан с экзегезой, истолкованием священных текстов, что необходимо в целях учительного и догматического использования. Библейский текст разбит в них на большие или меньшие отрывки, а параллельно, в другом столбце, давалось их толкование. Иногда в библейском тексте есть пропуски тех мест, которые не подвергались разьяснению. "Почти все известные в славянской письменности толкования принадлежат византийским богословам, в числе которых нужно прежде всего назвать Феодорита Киррского, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, живших в IV веке, а также Феофилакта Болгарского и Никиту Ираклийского XI – XII века"¹.

Даже после введения книгопечатания, когда переписывание списков служебного и четьего типов прекратилось, изготовление библейских книг с

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С.76

толкованиями продолжалось еще и в XVII, и в XVIII веках. Более того, ревнители благочестия, особенно в монастырях, продолжали иногда переписывать толкования на священные тексты "для себя", для лучшего их усвоения, даже в XIX веке. В этом видели особый вид аскетического подвига, особый род молитвы: "Литературный труд в середине века подчинялся строгому ритуалу, он был особой формой молитвы, которая не могла быть прерогативой писателей избранников"¹.

Пример тому – знаменитый настоятель Оптиной пустыни Моисей (Путилов, ум. 1862 г.) и его брат Антоний. С.А. Нилус пишет, что Моисей и Антоний "время положенное для молитвы, проводили стоя; стоя же занимались они и своим рукоделием из чувства благоговения к тем великим и славным, чьи письменные труды они переписывали для своего келейного употребления. Отсюда - мучительные раны на ногах у обоих братьев"².

Древнейшие списки, дошедшие до нас, толковых текстов библейских книг это

- Толкование на Псалтирь Феодорита Киррского, переведенное в Болгарии в X в. и известное в списке XI в.;
- Толкование на Псалтирь Исихия Иерусалимского (список XI - XII вв.);
- Толкования на Апокалипсис Андрея Кесарийского (новгородский список XII в.).

Определенный интерес представляют для нас вопросно-ответные формы толкований (эротапокритические), которые возникли у южных славян, а в XII - XIII веках получили развитие и у восточных в форме так называемых Кааф (древнееврейск. "сборник"). Во-первых, для исследователя интересен сам принцип отбора материала, так как эти компиляции играли пропедевтическую роль, являясь своеобразным

¹ Буланин Д. Предисловие. С.3-4. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с.

² Нилус С.А. Полное собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Общ. ред. А.Н. Стрижёв. – М.: Великий Градь, 2014. – 560 с. С. 248.

"введением" в изучение Священного Писания. На этой почве скорее всего могла просматриваться позиция и подход древнерусского книжника к освоению учительного наследия Церкви. Эротапокритический жанр давал определенную свободу выбора древнерусскому мыслителю и богослову, и на его основе скорее всего можно было ожидать оригинальных компиляций и творений. Близки этому жанру "Словеса святых пророк" (противоиудейский полемический сборник) и "Просветитель" преподобного Иосифа Волоцкого. К эротапокритическому жанру примыкали и многие переводные произведения (например "Пандекты" Антиоха, вопросыответы Афанасия, Анастасия Синанта, "Словеса избранные" Григория Богослова).

Все три типа списков библейских книг в процессе их копировки постоянно взаимодействовали между собою. Писцы часто использовали сразу по несколько оригиналов принадлежащих к разным типам, а потому в одном типе (например, в служебном) появлялись текстовые черты другого типа. Так, к примеру, Толковое евангелие Феофилакта Болгарского оказало сильное влияние на служебный и четий тип евангельского текста.

Материал библейских книг в большем или меньшем объеме включался в различные компилятивные сборники (например, Еллинский летописец, Хронограф, Хронографическая палея). Иногда он как бы "задавал тон" тематическому составу самого сборника, который зачастую составлялся отнюдь не только из одного библейского и святоотеческого материала. В сборник включались произведения "околоцерковного", а то и совсем нецерковного плана. Так в Толковой палее (начало XIII в.) мы находим не только Пятикнижие, но и апокрифический Исход Моисея, не канонические тексты о Соломоне, но и апокрифы о Соломоне и Китоврасе, о судах Соломона. Такова и Историческая палея, переведенная с греческого оригинала. В четьи библейские сборники иногда помещалась даже книга Менандр – собрание афоризмов языческих мудрецов.

Хотя церковь четко различала канонический и апокрифический материал (пример тому канонические евангелия, которые в сборниках

никогда не соседствуют с апокрифическими). Но следует признать, что в народе это различие было слабым. Информация в апокрифах интриговала, давала пищу полету воображения, а затем обнаруживала себя и в письменных сочинениях.

Чтобы помочь верующему в различии между книгами полезными с церковной точки зрения и бесполезными, во всю историю Церкви составлялись индексы, списки "отреченных", апокрифических книг. Вместе с переводной литературой эти списки из Византии пришли и на Русь. Старейший в русской книжности список ложных книг помещен в "Изборнике" 1073 года. Вскоре такие списки стали включаться в рукописные книги разного состава и на славянской почве. Так называемый "Погодинский Номоканон" (XIV в.) впервые включает в индекс произведения славянского автора – болгарского попа Иеремии (в частности компилятивную "Повесть о крестном древе").

С принятием христианства мировоззрение древнерусского человека начинает прочно опираться на абсолютный авторитет Слова Божия. Оно оказывает необыкновенное по своей широте, силе и глубине воздействие на все стороны человеческой жизни. С того времени, как на Руси появилась религия Благой вести, ее история получила новое направление, ее судьба радикально изменилась. Постепенно произошла глубокая реформа в политике, законодательстве и нравственных понятиях людей. Явилось новое государство на новых началах, новая семья, новое общество. Явились новая философия, наука, искусство, новая христианская цивилизация. Открылась новая эра всемирной истории, новый христианский мир.

Христианство дало миру новую идею абсолютной и несоизмеримой ни с чем ценности богоподобной человеческой личности. Оно превратило в реальность мечты и слова философов о равенстве и братстве людей, возвысило женщину, всей своей силой встало на сторону униженных и попираемых. С христианством вошла в мир жалость и любовь к ближним,

которых не знал древний мир. Христианство произвело небывалый духовный переворот в мире, изменивший его до основания. Но главное – через него открылась человечеству Вечная Жизнь. "Я пришел для того, – говорит Христос, – чтобы имели жизнь, и имели с избытком... Я есть путь, истина и жизнь" (Ин. 10, 10; 14, 6).

Все это благо, которое сделало Русь святой, а ее народ "богоносцем", утверждалось на Слове Божиим, которое пришло к нам вместе с Библией. «Библия была для древнерусских мыслителей главной нормой всяких религиозно-философских построений. Библия давала не только массе верующих, но и средневековым ученым людям своего рода обязательный, принудительный минимум "знания", познавательных и аксиологических установок»¹, – пишет в статье "Идейные источники древнерусской философской мысли" даже такой негативно настроенный по отношению к религии ученый как В.Ф. Пустарнаков.

Мы позволим себе привести еще одно пространное высказывание известного исследователя древнерусской литературы академика Д.С. Лихачева о роли Библии в процессе познания средневековым человеком окружающего мира и самого себя. "Средневековая познавательность отличалась от современной. Главное заключалось в истории. История же была прежде всего – Священная история, то есть в основном история, изложенная в Ветхом и Новом Заветах. Эта история восполнялась историей самого государства, к которой принадлежал сам читатель. Но начиналась она главным образом с момента принятия этим государством христианства. История языческого периода была не больше чем предуготовление к принятию христианства – главному этапу "исторического прозрения народа".

Главным в Священной истории было взаимоотношение Бога и человечества. История как бы творилась самим Богом, но не лишала человека ответственности за его поступки.

¹ Введение христианства на Руси. Сборник Института философии АН СССР. "Мысль". М., 1987. – 302 с. С. 188.

Священная история была, как это уже было сказано, зафиксирована в книгах Библии, но имела своим продолжениями исторические книги Византии и других христианских государств. Эти последние не имели для средневекового человека того высокого интереса, что история, заключенная в Библии, ибо в них не было той значительности, которую имело для любого средневекового человека каждое событие Библии или, что подчеркнем, событие, связанное с библейскими персонажами и библейской землей"¹.

Если древнерусский человек смотрел на все сквозь призму библейского восприятия, то естественно ожидать, что это видение найдет свое отражение и во внешних формах его духовной жизни, в первую очередь в слове. Библейский церковный взгляд, служил четким рубежом для выбора литературы для перевода. Даже "отреченная", апокрифическая литература и та в основной своей массе была тесно связана с библейскими темами. Зарождавшаяся же оригинальная русская литература почти полностью являлась литературой церковной. Она то и представляет преимущественный интерес для нашей работы.

Эта литература в прямом смысле пропитана духом Слова Божия – будь это "Речь философа", кратко излагающая Священную историю², или "Слово о законе и благодати" митрополита Иллариона, "Житие" преподобного Феодосия Печерского или поучения Климента Смолятича и Луки Жидяты. Цитаты из Библии во множестве заполняют всю древнерусскую церковную литературу.

Процессы секуляризации в дальнейшем рассекут древнерусскую литературу на церковную и светскую. Этот разлом с каждым веком будет углубляться. Но все равно, и сегодня для каждого русского человека, который не желает выпасть из общего контекста национальной культуры,

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т.3. "Наука". СПб., 2000. – 414 с. С.5.

² Лихачев Д.С. Великое наследие. М., «Современник», 1975. – 367 с. илл. («Любителям российской словесности»). С. 8.

Библия по-прежнему останется величайшим авторитетом, на котором эта культура основана.

В Церкви же любая форма ее непрестающего самораскрытия через Священное Предание всегда будет сопряжена со Словом Божиим, со святой Библией. Святоотеческие творения (в данном случае русских отцов и учителей) составляют лишь часть этого вселенского Предания Церкви. "Кроме того, творения святых отцов суть памятники церковной письменности, а в Церкви письменное Предание всегда вторично по отношению к устному Преданию"¹. "Христово предание, живущее и проповедуемое в церкви пастырями и учителями, только мало помалу записывается, чему в Библии положено как бы идеально совершенное начало, первообраз"².

1.2. Своеобразие древнерусских переводов

Переводная церковная литература Древней Руси сформировалась из двух источников. Первый из них - древнеболгарские переводы, многие из которых по ближайшему сродству древнеболгарского и древнерусского языка прямо заимствовались на Русь без особой языковой коррекции. Об этом А.И. Соболевский отмечает: "Почти все те южнославянские переводы IX – X вв., которые мы знаем по дошедшим до нас спискам"³. Второй источник – переводы русских переводчиков. Ярослав Мудрый "собра писце многы, прекладаше от грекъ на словеньскый язык писмо"⁴.

Рассматривая эту литературу в форме бытования ее на Руси, должно сказать, что и переписчики (в первую очередь уже готовых южнославянских

¹ Сидоров А.И. Курс Патрологии. Возникновение церковной письменности. М., 1996. – 349 с. С.17.

² Филевский И. Учение Православной Церкви о Священном Предании. Апологетическое Исследование. Харьков. 1902. – 656 с. С.533.

³ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV - XVII веков. СПб., 1903. – 470 с. С. V.

⁴ Повесть Временных лет. С. 194 // Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI – XII века. "Наука". СПб., 2000. – 544 с.

переводов), и древнерусские переводчики восприняли пришедшую к ним с христианского Востока литературу не пассивно. С удивлением можно обнаружить, что в ряде случаев переводы "уходят" от точного воспроизведения оригинала: «В переводы внесены добавления, разъяснения. Содержание оригинального памятника иногда сокращалось, упрощалось. Иногда же, наоборот, расширялось путем вставок целых кусков из других произведений. Бывали случаи, когда перестраивалась сама композиция переводного сочинения. На основе переводных сочинений создавались целые своды, посвященные значимым темам: ветхозаветной истории, всемирной истории и так далее»¹.

Таким образом переводная изначально христианская литература адаптировалась к новым условиям русской действительности. И в этом процессе участвовали не только книжники-профессионалы, переписчики и переводчики, но и сами читатели. Добавления и разъяснения вносились постоянно (сперва на полях рукописей). Литература должна была служить не столько для построения теоретических абстракций, сколько для решения практических нужд повседневной религиозно-христианской жизни. Этот подход диктовал и сам подбор заимствованной литературы, которая в основном носит дидактически-назидательный характер. Состав многих сборников переводных поучений хорошо свидетельствует об этом.

Образы и сравнения, с помощью которых книжники старались прокомментировать и приблизить содержание переводов к читателю, брались непосредственно из окружающей жизни: "Аще бо быть рать на ны половецкая пришла и все наше попленили быша, таче воевода их претил бы и град наш раскопати... таче бы от царя нашего ят и связан, в град приведен был, - не вси ли быхом вскочили и с женами и с детми видети его?"².

Византийские источники на русской почве перерабатывались: «Византийские жития святых также частично перерабатывались на русской

¹ Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Издание 7-е. «Просвещение». М., 1966. – 544 с.

² Библиотека Литературы Древней Руси. Том 2. XI - XII века. "Наука". СПб., 2000. – 556 с. С. 9.

почве, дополнялись. Примером может служить Житие святителя Николая. В двух из этих дополнений местом действия является Киев. Такой же переработке и дополнениям подвергся один из основных агиографических сборников – Пролог»¹.

Интересны славянские переводы византийских исторических хроник, в которых немало библейского и церковно-исторического материала. Фактически это не столько буквальные переводы, сколько творческие переработки. В первую очередь следует назвать Хронику Иоанна Малалы из Антиохии (VI в.), в которой замечается стремление сообразовать лучшее в античном наследии с христианством.

Русские переводчики: «стремились не столько дать возможность русскому читателю ознакомления с этими византийскими хрониками в их прямом переводном варианте, сколько приспособить их к созданию собственных сводов для наиболее полного освещения всемирной и христианской истории. Русские переводчики и переписчики настойчиво расширяли материал этих византийских хроник. Для этого они вводили в их состав все новые и новые исторические произведения и сообщения»².

С другой стороны русские книжники стремились к повышению уровня информативности материала, а потому зачастую выбрасывали риторические длинноты и морально-философские рассуждения. Последние были хороши и нелишни в церковных проповедях и поучениях. В данном же случае жанр диктовал стиль. И русские любомудры хорошо это чувствовали.

Отмечается, что «на основании переводного материала (частично также русского) было составлено обширное сводное сочинение Еллинский и Римский летописец (составлен до середины XIII в.), где творческое отношение русских книжников к византийским хроникам видно особенно

¹ Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Издание 7-е. «Просвещение». М., 1966. – 544 с.

² Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Издание 7-е. «Просвещение». М., 1966. – 544 с.

наглядно. Русские переводчики дорабатывали их, дополняя вставками, делали замены и уточнения (иногда на основании этих же хроник)»¹.

Если, к примеру, у Амартола или Малалы передавались библейские повествования сокращенно, то русские составители заменяли их текстами непосредственно библейских книг. То же самое можно сказать и о других сводных сочинениях, образовавшихся на базе переводной литературы.

Переводы воспринимались на Руси не пассивно, а в связи с потребностями русской действительности они перерабатывались. Да и сам выбор переводимых произведений диктовался также условиями новых ориентиров в духовной жизни народа. А эти ориентиры со времени Крещения Руси стали христианскими.

1.3. Некоторые замечание о характере переводной церковной литературы

В XVI веке Московский митрополит Макарий попытался собрать «все книги, кои есть на Русской земле». В это собрание вошло около сорока житий, которые были составлены русскими книжниками о русских святых. Все остальное – переводы с греческого. Кроме того "в нашей письменности киевского периода мы можем найти ряд (правда, небольшой) переводов с латинского"². Приблизительно тоже можно было сказать и о других жанрах древнерусской церковной литературы. Удельный вес в ней переводной литературы огромен. Следовательно, и влияние, и основополагающее значение переводной литературы на формирование и характер русской религиозности бесспорны.

Эта литература сильно воздействовала на мировоззрение и стиль русских церковных писателей. Уже само обилие цитат из переводных произведений в сочинениях русских авторов, количество списков греческих

¹ Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Издание 7-е. «Просвещение». М., 1966. – 544 с.

² Сперанский М.Н. История древней русской литературы. Издание четвертое. "Лань". СПб., 2002. – 541, 1 с. С. 230.

переводов обращавшихся на Руси, говорит о первенствующем месте переводной литературы в общем объеме древнерусской церковной письменности.

Однако, несмотря на доминирующее значение переводной литературы, сам "набор" ее очень своеобразен. Так вполне естественно ожидать, что первое, о чем должна была озаботиться христианская Русь, священноначалие Русской Церкви, это заполучить полный перевод Библии. Но это не так. «До сих пор нет никакой уверенности в том, что Древняя Русь была знакома со всей Библией. На настоящий день неизвестно ни одного полного рукописного русского экземпляра Библии, который можно было бы датировать ранее 1500 года»¹. Когда в конце XV века новгородскому архиепископу Геннадию для полемики с еретиками потребовался полный библейский кодекс, он нигде не мог его найти. 12 книг Ветхого Завета пришлось заново переводить с латинского.

Конечно, Новый Завет был переведен весь. Из Ветхого же были сделаны переводные выписки, необходимые для богослужебного использования. Высок был авторитет Псалтири. Читали и толкования на пророков. Из учительных книг особенно популярна была книга "Премудростей Иисуса сына Сирахова". Понятно почему – она имела нравственно-прикладной, практический характер, привлекала и доступность изложения материала.

Исторические книги Библии зачастую заменялись кратким изложением Священной истории, где сокращенные канонические тексты перемежались с популярными апокрифами (например, "Книга Еноха"², "Завещание двенадцати патриархов" и т.д.). Этот материал заключался в так называемые "Палеи" (т.е. Ветхий Завет).

¹ Правовой режим земельных владений в Московском государстве. URL: <https://studfile.net/preview/2564513/page:19/> (Дата обращения 25.05. 2023 г.).

² Книга Еноха. Библиотека литературы Древней Руси. Том 3. XI - XII века. " Наука ". СПб., 2000. – 414 с. С. 204-241.

Интерес к апокрифам подогревался не только оригинальностью, а то и сказочностью их содержания, будоражащего воображение, но и стремлением к расширению информативного поля, очерченного библейским каноном, любознательностью и любопытством.

На наш взгляд была и еще одна серьезная причина как бы непроизвольно подталкивавшая к переводу некоторых как ветхозаветных, так и новозаветных апокрифов. Эта причина – сам библейский канон, который как бы привлекал к себе созвучную ему внебиблейскую литературу. Ярчайший пример тому – появление в христианской Библии неканонических книг, которых никогда не знал Танах, ветхозаветная Библия. Они перешли в христианскую Библию из области Священного Предания Ветхозаветной Церкви, никак не исчерпав его до конца.

Эта литература как бы продолжала стучаться в церковную дверь. С этими произведениями работали Ориген, Иринеи Лионский, Тертуллиан, византийские писатели Епифаний, Синкелл, Зонара, Глика, так как "им уже трудно было понять многое в Ветхом Завете и они привлекали для истолкования Писания все, что могло помочь им проникнуть в тайны глубокой древности"¹.

Почувствовали это христианские книжники и на Руси. Им, к примеру, вероятно, трудно было пройти мимо "Заветов двенадцати патриархов", так как мораль "Заветов" в значительной мере отразилась в новозаветных Писаниях, особенно в Нагорной проповеди Христа Спасителя. Английский ученый XX века Р. Чарльз писал: "Главная, исключительная ценность апокрифических заветов заключается в том нравственном учении, которое действительно обрело бессмертие благодаря влиянию, оказанному им на мысли и слог Новозаветных Писаний. Это нравственное учение, несравненно более высокое и чистое, чем учение Ветхого Завета, составляет в "Заветах двенадцати патриархов" истинно

¹ Ветхозаветные апокрифы. " Фолио ". М., 2001. – 751, [3] с. С. 14.

духовное сокровище: оно есть мост, устраняющий пропасть между учением Ветхого и Нового Заветов"¹.

Относительно привлечения переводчиками некоторых новозаветных апокрифов, которые были явно осуждены христианской Церковью еще в первые века, следует сказать, что и тому была основательная причина. Новозаветный литургический календарь выстроен не только на основании канонических Евангелий и новозаветных Писаний. Ряд праздников имеют своим истоком предания, которые нашли свое отражение в апокрифах. Отсюда становится понятным, почему были сделаны переводы евангелия от Иакова, от Никодима и так далее.

Конечно, в церковном смысле эта пограничная область церковной литературы таила в себе немалую опасность – за ней двигались на Русь откровенно еретические сочинения. Поэтому параллельно переводятся различные византийские индексы запрещенных и "отреченных" книг. Вскоре таковые создаются и на русской почве. Они зачастую не совпадают, противоречат между собою. Это затрудняло различение церковного от нецерковного, канонического от апокрифического. Вдобавок ко всему некоторые запрещенные книги начинают "прятаться", изменяют свое название и под новым названием становятся неузнаваемыми. Так, если индекс запрещал "Евангелие апостола Иакова", то оно продолжало ходить под названием "Слово Иакова, брата Господня".

Однако следует признать еще и то, что в Древней Руси понятие "божественное писание" было довольно размытым и это еще один путь, определивший живучесть апокрифов. Даже для такого выдающегося Первосвятителя Русской Церкви, каким был митрополит Макарий, «"божественным" было все, что стояло в связи с церковью, согласовывалось с ее учением, как он его понимал²».

¹ Книга Юбилеев. Заветы двенадцати патриархов. Ветхозаветные апокрифы (о чем молчит Библия). ЗАТ "Україност". Київ, 2003. – 253 с. С. 5-6.

² Сперанский М.Н. История древней русской литературы. Издание четвертое. "Лань". СПб., 2002. – 541, 1 с. С. 442.

Так в Великие Четьи Минеи попали "Откровение", "Исповедание Евы", "Енох" и прочее. В XVII веке патриарх Никон подарил в свой Новоиерусалимский монастырь запрещенное сочинение " Аристотелевы врата ", не сумев распознать его под новым заглавием (вместо " врат " в названии стояло "главы"). Различение в области церковной и псевдоцерковной литературы явно оставляло желать лучшего.

Следующим по значимости блоком переводной литературы после Священного Писания была литература агиографическая. Чтение "житий" укрепляло религиозность, давало морально-нравственное назидание, волновало осознанием реальной близости Неба к грешной Земле, явленной в жизни конкретных лиц и конкретных жизненных обстоятельств. "Жития" любимых народом святых обрастали легендами, о них складывались очень популярные в народе духовные стихи и песнопения.

Широко была представлена в переводах и область патристики. Очень немногие классические труды греческих богословов были известны на Руси. В ранний период русской церковной письменности кроме нескольких фрагментов и проповедей ничего не было переведено из творений Кирилла Александрийского, Григория Нисского, Максима Исповедника, Дионисия Ареопагита. Тем паче не был представлен никто из латинских Отцов.

Зато в домонгольской Руси были широко известны Иоанн Златоуст и Ефрем Сирий. Избранные "слова" последнего были собраны в сборнике "Паренесис" ("притча, утешение, молитва, наставление"). А Златоуста – частично в сборниках "Златоструй", "Златоуст", "Маргарит" (около 200 проповедей). Один Отец – певец христианской надежды спасения, другой – аскезы и теплых покаянных слез. Их можно уподобить двум небесным птицам, поющим в раю, о которых рассказывают русские легенды: сирий - птица радости и алконост – птица печали.

Из аскетических сочинений на Руси были известны творения преподобного Нила Синайского († ок. 450) и "Лествица" преподобного Иоанна Лествичника († ок. 563).

Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов. Иоанн Дамаскин также были частично переведены на славянский язык, но этими именами переводная святоотеческая литература никак не исчерпывается. Кроме переводов отдельных творений «на Руси было известно огромное количество анонимных писаний, часто ошибочно приписываемых святым Отцам. Иногда это отдельные отрывки, фрагменты и даже просто предложения, авторство которых определить чрезвычайно трудно»¹.

Здесь мы находим экзегетические толкования (особенно псалмов), проповеди, "слова" и "беседы" различного содержания, труды более поздних византийских авторов, зачастую подписанные именами древних Отцов. Этот разнородный материал заполнял славянские "Изборники". Едва ли будет ошибкой сказать, что большинство славянских книг учительного характера представляли собой совокупность отрывков. Откуда, почему и зачем такой калейдоскоп? Этому есть свои причины.

На самом начальном этапе Русь фактически не участвовала в выборе источников для перевода. По большей части она просто ввозила древнеболгарские переводы, которые в основном были сориентированы не на патриашую и императорскую библиотеки Константинополя или же библиотеки крупных греческих центров (таких, как скажем Фессалоники), а на монастырские библиотеки "средней руки". Отрешившимся от мира монахам, как правило, надо было решать не высокие теоретико-богословские задачи, а ежедневные, духовно-практические, как в повседневной христианской жизни угождать Богу.

Эти задачи всегда являлись первоочередными и для каждого новообращенного христианского народа, для каждого неопита. Церковь никогда не проводила резкой грани между благочестивой жизнью мирянина и монаха. У обоих одна задача – достичь спасения. Поэтому и церковные уставы, заимствованные из монастырей, одинаково введены для всех церковных общин - будь то монастырь или приход.

¹ Правовой режим земельных владений в Московском государстве. URL: <https://studfile.net/preview/2564513/page:19/> (Дата обращения 25.05. 2023 г.)

Практическая потребность в авторитетном руководстве духовной жизнью приводила к тому, что в монастырских библиотеках накапливалась не столько святоотеческая литература вообще, как сборники, содержащие святоотеческие указания и советы, извлеченные из разных Отцов. Сюда вводились и выдержки из наиболее удачных поучений безымянных авторов (а то и самих составителей сборников), иногда даже моральные сентенции греческих языческих мудрецов, как, например, в очень популярном на Руси сборнике "Пчела". Весь это разнородный материал для авторитетности приписывался иногда тому или другому святому Отцу. "Некоторые компиляторы присвоили сборникам свои имена и собственные названия. Наименование "Пандекты" утвердилось за трудами монахов Антиоха (VII век) и Никона Черногорца, (XI век), переведенными на славянский"¹.

Широко распространенной и даже любимой была вопросо-ответная форма сборников. Например, "Вопросы и ответы" Анастасия Синакта (VII век), Псевдо-Анастасия.

При всей внешней раздробленности и разнохарактерности попадавших в такие сборники фрагментов, отрывков, а то и просто замечаний их объединяла одна главная цель – конкретно, четко и практически помочь христианину на пути реального духовно-нравственного возрастания. А поскольку духовная жизнь многолика и многообразна в ее субъективной реализации в каждом отдельном человеке, то многолико, многообразно и содержание таких сборников.

К X веку святоотеческая литература в Греции, как это было уже сказано выше, в связи с практическими потребностями и целями стала существовать не только в виде отдельных творений, но еще и в форме потока отрывков и фрагментов, объединенных чаще всего по содержанию. Это был процесс подборки "параллельных мест" по заданной тематике. Так возникали сборники "Катен" (Catenia - "Цепи"). Ими то и пополнялись монастырские библиотеки. Г.П. Федотов пишет, что "изучая, несколько

¹ Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X – XIII вв. /Примеч. С.С. Бычков. – М.: Мартис, 2001. – 382 с. С. 56.

средневековых перечней византийских монастырских библиотек, можно найти названия творений по большей части совпадающие с перечнями древнеславянской литературы¹". На века эта переводная византийская литература развернула древнерусскую церковную письменность в сторону морально-дидактическую и назидательно-нравственную.

Следует отметить и еще одну область византийской литературы, к которой славянские переводчики остались равнодушны – эсхатологические сочинения. Проблемы эсхатологии, иногда апокрифического толка, живо интересовали славянских неопитов. Этим, к примеру, объясняется странная популярность на Руси доникейских Отцов III века Ипполита Римского и Мефодия Патарского.

Особой сферой интеллектуального интереса на Руси были сочинения исторического и космологического характера (Хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, "Христианская топография" Космы Индикоплова и даже "Иудейская война" Иосифа Флавия, Шестодневы и Физиологи). При желании их можно отнести в область светской литературы. Но все же это будет неверно. Это не просто космология и история, а религиозная космология и история, которые в глубинных своих посылках опираются на эсхатологические представления. Вместе с религиозно-нравственным они составляют основные направления переводной, а затем оригинальной церковной литературы, отражающей в себе древнейший пласт отечественной религиозно философской и богословской мысли.

Важнейшими, хотя в определенном смысле прикладными, являлись переводы богослужебных книг. Мы уже говорили и еще скажем о переводах Священного Писания и их употреблении за богослужением. Здесь же отметим только то, что благодаря подвигу святых Кирилла и Мефодия из всех европейских народов лишь славянские народы могли слышать Слово Божие и наслаждаться молитвенной красотой церковной гимнографии на

¹ Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X – XIII вв. /Примеч. С.С. Бычков. – М.:Мартис, 2001. – 382 с. С. 57.

своем родном языке. В этом смысле Русь в противовес латинскому Западу входила в число привилегированных народов.

Но в какой мере славянский перевод богослужебных текстов был доступен новообращенному русскому человеку? Переводы Кирилла и Мефодия и их учеников выполнены великолепно, хотя они и вынуждены были опустить некоторые поэтические красоты языкового стиля греческих оригиналов. Однако близость церковнославянского языка к русскому разговорному языку того времени делала усвоение христианских истин за богослужением почти беспроблемным, чего нельзя было сказать о европейских народах, где господствовала латынь. Не потому ли "след Евангелия на русской земле оказался глубже, чем на земле тевтонских, а пожалуй, и романских народов?"¹.

Как уже говорилось, множество произведений древнерусской литературы анонимны. Ответ на этот вопрос, почему автор скрывает себя, должно искать в той же христианской литературе Византии, которая через переводы сформировала определенный взгляд на писательский труд.

Суть этих воззрений состоит в том, что автор осознает себя не творцом высказываемых им идей, а лишь передатчиком «вечных истин»: «Не считая себя творцами литературных произведений, древнерусские авторы осознавали себя служителями Слова, напоющими сладостью словес души всех им внимающих»². В "Слове о поучении церковном", которое часто приписывается в рукописях Кириллу Туровскому, читаем: "Се не мене дея послушайте – аз бо грешник есмь, – но евангельского учения послушайте"³.

Переводы оказала большое влияние на формирование в оригинальной древнерусской литературе вообще и церковной в частности ее

¹ Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X – XIII вв. /Примеч. С.С. Бычков. – М.:Мартис, 2001. – 382 с. С. 49.

² Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI - середина XV в.). "Языки русской культуры". М., 2000. – 199 с. С. 193.

³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под редакцией А.И. Пономарева. Вып. I. СПб., 1894. – 200 с. С. 176.

жанрового многообразия. Конечно, задачи христианской миссии диктовали необходимость усвоения традиционных для Церкви литературных жанров и форм. Как в Византии, как в любой христианской стране, так и на Руси церковная литература слагалась из произведений богослужебных, житийных, церковно-исторических, патристических, гомилетических, богословско-учительных, полемических, паломнических и даже естественно научных и космологических (шестодневы, физиологи). Над всем этим возвышались библейские переводы, скомпонованные согласно с их реальным, практическим употреблением за богослужением, для личного келейного чтения, для истолкования через привлечение в текст святоотеческого комментария.

И тем не менее устойчивость этих видов переводной церковной литературы в условиях русской действительности подверглась всяческому воздействию, как со стороны содержания, так и со стороны формы. Серьезный знаток древнерусских "житий" С.А. Бугославский писал: "Из византийских житий русские авторы XI - XII веков заимствовали лишь общие тенденции... Перед русским автором неизбежно вставала трудная задача – примирить в жизненных опытах идеальные образы и стилистику византийских житий с тенденциозным, живым, публицистическим изложением событий современности (к примеру, в той же летописи – Н.Г.), а нередко и с укоренившимися народно-поэтическими мотивами (например, в рассказах о княгине Ольге, о Владимире)"¹.

Древнерусские переводчики и авторы хорошо понимали то, о чем не мешало бы помнить и сегодня, что "современного человека, склонного к скепсису, может еще в чем-то убедить лишь конкретика факта, который при необходимости должно объяснить. Но он кажется совершенно глух к рафинированному идеалу. Не в этом ли задача современной агиографии – представляя "сына Божия" не забыть, что он и "сын человеческий"?.. Не

¹ История русской литературы. Т. I. М.-Л., 1941. – 404 с. С. 316.

потому ли безгрешный Господь наш Иисус Христос так редко называл себя Сыном Божиим и так любил именовать себя Сыном Человеческим?"¹.

Роль переводной церковной литературы в формировании христианского мировоззрения русского человека велика и бесспорна, как и ее влияние на становление собственно русской церковной письменности, от которой она не отделена никакой непроходимой преградой. Переводная литература не только роднила древнерусскую литературу с литературой всего христианского мира, но она постоянно поддерживала нашу оригинальную литературу, активно взаимодействуя с ней, не давая ей замыкаться в самой себе и тем обрекать себя на обмельчание.

Естественно было бы ожидать, что с течением веков удельный вес переводной литературы всвязи с укреплением и развитием литературы самобытной должен был снизиться. Но этого не произошло. По подсчетам А.И. Соболевского за сто лет (с середины XIV до середины XV века) русская литература выросла в своем объеме за счет переводов почти вдвое². И большинство этих переводов пополняло письменность церковную. Раньше этот процесс шел хотя и безостановочно, но менее активно. По утверждению исследователей для русской литературы был характерен областной принцип развития.

В домонгольское время на Руси сложились значимые центры летописания, переписки книг и в той или иной степени перевода. В первую очередь надлежит назвать Киев, Великий Новгород, Псков, Галицкое княжество, Ростов Великий, Владимир Залешьский и другие города и центры удельных княжеств. Однако, если переписка славянских книг, завоз готовой книжной продукции были доступны многим княжествам, то осуществление переводов с греческого в местных условиях по началу редко было кому по плечу.

¹ Горбачук Георгий, протоиерей. Благоверный князь Андрей Боголюбский: лик и личность. "Свет невечерний". Журнал Владимирской епархии. №3. 2002. Владимир. С. 26.

² Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV – XVII веков. СПб., 1903. – 470 с. С.14.

Да, конечно, среди русских постепенно появлялись люди, которые овладевали не только греческим, но даже несколькими иностранными языками (князь Всеволод, сын Ярослава Мудрого, владел шестью языками и женился на византийской царевне. Это не удивительно если учесть то, что Ярослав собрал в Киеве переводчиков с греческого и они занялись переводами на славянский). Греческие иерархи, приехавшие на Русь, постепенно овладевали русским языком. Русские, общаясь с архиерейской свитой, усваивали какие-то начатки греческого, совершали паломничества на Восток и т.д. Шел взаимообратный процесс языкового общения. Но едва ли всего этого было достаточно. «Ни в летописях, ни в "житиях" мы не встречаем ни одного простого русского человека, о котором было бы засвидетельствовано, что он мог говорить по гречески. Нет упоминаний и о преподавании греческого в первоначальных русских школах. До нас не дошло никаких греческих цитат, никаких слов, написанных греческими буквами в русских рукописях, ни одной греческой книги переписанной на Руси»¹.

Даже такие образованные русские авторы, как Кирилл Туровский и Климент Смолятич, и те опирались в своих творениях на существовавшую в их время переводную литературу. Попытки доказать, что они были знакомы с греческими источниками не очень убедительны. Значит греческий язык был для русских в основном лишь средством бытового общения с греками.

Откуда же еще, кроме переводов завезенных на Русь с Болгарии и довольно скромных местных возможностей их пополнения, можно было ожидать притока столь необходимой церковной литературы? С Афона. Подтверждение тому – наличие русских и болгарских слов в афонских переводах.

С течением времени обстановка менялась, но не очень скоро. К середине XIV века мы можем достоверно утверждать только о двух серьезных знатоках греческого языка на Руси – митрополите Московском

¹ Правовой режим земельных владений в Московском государстве. URL: <https://studfile.net/preview/2564513/page:19/> (Дата обращения 25.05. 2023 г.).

Алексии, который потрудился над библейским переводом в целях его лучшего соответствия греческому оригиналу, и святителе Стефане Великопермском. Он постригся в монастыре Григория Богослова в Ростове Великом. Там была богатая библиотека греческих книг, а иноки славились образованностью. Были, конечно, и другие русские люди владевшие греческим и число их росло. Именно поэтому процесс перевода смог в последующее столетие набрать силу и существенно ускориться, как об этом уже и было сказано выше.

ГЛАВА II. ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НА РУССКОЙ ПОЧВЕ

2.1. Богослужебные книги, агиография, каноника

Первыми богослужебными книгами явились, конечно, книги и избранные тексты Священного Писания, приспособленные для употребления за богослужением, о чем было сказано в предыдущей главе. Однако, с уверенностью надлежит предположить, что с наряду ними в нашей древнейшей церковной письменности существовал переводной богослужебной литературы, без которой никакое совершение обширный блок христианского богослужения было бы невозможным. Кое-что из этой литературы дошло до нашего времени. Вот несколько примеров.

В первую очередь следует указать на так называемые новгородские «Минеи» 1095-1097 годов (месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь). Они были изданы И.В. Яричем в Академии наук (СПб., 1886 г.). Во введении излагается состав «Миней» в сравнении с греческим, а также помещено исследование о языке и переводе. Без сомнения, и раньше конца XI века такие «Минеи» употреблялись на Руси в храмовом обиходе. Перевод их сделан в Болгарии и относится к X - XI веку. Дошли до нас и еще несколько древних не датированных служебных «Миней».

Рано появились в славянском переводе и «Триоди» («Трипеснцы») постная и цветная. На ранние появления в славянском переводе «Служебника» и «Требника» указывают их сохранившиеся глаголические списки. Таков, например, Синайский Евхологий XI века (издан Л. Гайтлером в 1882 году в Загребе).

Переводилась, конечно, и другая богослужебная литература. Для нас же важно отметить то, что церковная гимнография оказала сильное влияние на становление устной христианской словесности. Постепенно развилось целое направление народной поэзии, так называемые «духовные стихи».

Богослужение и церковная гимнография вносили также и в письменность значимые художественные и поэтические элементы. В первую очередь можно назвать проповедь (например, «Похвала князю Владимиру» митрополита Иллариона), летописные сказания. Здесь заметно стремление к ритмическому построению речи, присутствуют экспрессивные лирически излияния в духе гимнографии акафиста. Яркой иллюстрацией тому может послужить хотя бы повествование об убиении Бориса и Глеба из «Повести временных лет»¹. Широкое использование библейских текстов, особенно псалмов, придает всему рассказу священо – драматический характер. Применение же акафистного построения в молитвенном обращении и похвале святым² еще раз свидетельствует о сильном влиянии на становление характера и стиля древнерусской литературы жанров церковно – поэтического творчества, которые через богослужебные переводы были заимствованы нами с Востока. «Поэтический стиль и словесные формулы молитв и песнопений в известной степени были использованы нашей древней литературой»³, – пишет Н.К. Гудзий.

Кроме своего специального предназначения, богослужебная литература в жизни древнерусского человека имела более широкое применение. За пределами храма она зачастую становилась литературой четьей, предназначенной для келейной молитвы, чтения и образования. Пример тому – использование «Часослова» в школьных целях.

В тесной связи с богослужебной литературой находилась литература житийная. Православное богослужение трудно представить себе без церковного поучения. И если поучение носило историко-учительный характер, то классическим материалом для него кроме Библии служили жития святых. Поэтому с самого начала христианства в любой новообращенной стране параллельно с библейской и богослужебной

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI – XII века. "Наука". СПб., 2000. – 544 с. С. 176 – 182.

² Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI – XII века. "Наука". СПб., 2000. – 544 с. С. 182.

³ Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Издание 7-е. «Просвещение». М., 1966. – 544 с. С. 28.

литературой переводилась литература житийная, которая почти сразу же заключалась в сборники различного состава и наименования. Существовали, конечно, всегда и многочисленные отдельные "жития".

Из житийных сборников в Древней Руси наиболее известны были "Четы Миней", "Пролог" и патерики. Однако жития святых входили и в другие сборники, имевшие смешанный тематический состав. Так в "Изборнике 1076 года" ("Сборник Святослава") помещены жития Ксенофонта, Феодоры, Синклитикии¹. Описания отдельных чудес святителя Николая Мирликийского находим в "Торжественнике" XII века. Более поздние "Торжественники" (XIV - XVII вв.) содержат в себе не только сказания о церковных праздниках, но и жития наиболее чтимых святых, расположенные в определенном порядке. Жития эти как переводные, так и оригинальные².

Пространное житие равноапостольного Мефодия – творение болгарской агиографии – находим в так называемом "Успенском сборнике" (XII - XIII вв.). "Мучение Феодора Стратилата" читается в сборнике "Златоуст" ("Златоуст" Ягича - XIV в.)³. "Житие Марии Египетской кроме житийных, минейных и проложных сборников помещено еще в "Триоди Постной" и в том же "Златоусте". Перечисление можно было бы продолжить. А сейчас кратко рассмотрим основные виды именно житийных сборников.

"Пролог". По-гречески называется "Синаксарием", "Минологию". Название "Пролог" исключительно русского происхождения. Обязано оно ошибке. В "Синаксаре" есть введение, заглавие которого (pro logos) было принято за наименование всей книги. Южные славяне всегда пользовались греческим названием – "Синаксарь".

¹ Изборник Святослава 1076 року і патерики. Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. Т.3. Київ, 1931. С. 11-15.

² О составена линейных Торжественников XV - XVI вв. Сибирская агиография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 278 - 284.

³ Творогов О.В. Описание и классификация списков сборника "Златоуст". Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т.99. Л., 1985. – 461 с. С. 278 - 284.

"Пролог" состоит из ряда кратких житийных сказаний (преимущественно мучеников), расположенных в порядке чисел и месяцев применительно ко дням церковных памятей. Но уже в домонгольское время "Пролог" пополнился множеством помещенных в него нравоучительных рассказов и поучений, превращаясь, таким образом, в своеобразную православную энциклопедию. Использование "Пролога" при богослужении не ограничило сферу его употребления. "Пролог" стал очень популярной в народе книгой четъей (сохранилось около 3000 рукописей "Пролога").

Ученые различают три основных разновидности обыкновенного (нестишного) "Пролога", которые относятся к киевскому периоду:

1) Перводной славянский "Синаксарь" (сохранился один русский список XII в.; южнославянские списки XIII – XVI вв.), греческим оригиналом которому послужил "Менологий" императора Василия II (985 г.). В XI веке студийский монах Илия, а затем митрополит Мокисийский Константин сделали в "Менологий" добавления. Вскоре после перевода в XII веке в "Синаксарь" были внесены памяти русских святых (Бориса и Глеба, Феодосия Печерского)¹.

2) 1-я редакция "Пролога", которая известна только в русских списках (древнейший из датированных 1262 г.). Объем "Пролога" этой редакции больше объема "Синаксаря". Текст разделен на два полугодия (сентябрьское и мартовское). Под каждым числом вслед за житиями помещено поучение или патериковый рассказ. Все так же помещены в "Прологе" памяти русских святых и русских праздников (освящение в Киеве церковью Георгия, Десятинной, Софийской). Сказания о последних составлены главным образом по "Повести временных лет".

3) 1-я редакция "Пролога" особенно замечательна. Во-первых, по своему объему она вдвое превышает 1-ю редакцию. Во-вторых, синаксарный текст подвергся полной переработке и таким образом

¹ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. – IV, 186, VI с. С. 8-12.

появилась подлинно русская редакция "Пролога"¹. Житийный материал перегруппирован и во многом изменен. В этой работе составители опирались в основном на славянские Минеи.

Отдел русских праздников и памятей отличается завидной полнотой. Вошли сюда и краткие жития славянских святых (Кирилла и Мефодия, Людмилы и Вячеслава Чешских). В житийный текст "Пролога" была внесена масса назидательных статей. Этот отдел очень богат и разнообразен. Греческие месяцесловы никогда ничего подобного в себе не имели. Не обошлось без и статей апокрифического характера (жития Константина и Елены, Мелхиседека, апостола Нафанаила и др.).

Исследователи предполагают, что время составления II-й редакции "Пролога" – конец XII века, а место – Туров. Предполагают, что инициатором переработки "Синаксаря" был Кирилл епископ Туровский (только в этой редакции находится единственное известное житие святителя Кирилла).

Этот труд показывает, что в домонгольской Руси были крупные книжные центры, потому что без большой библиотеки переводной и оригинальной литературы выполнить такую работу было бы совершенно невозможно.

"Пролог" (особенно в своей наиболее полной II - й редакции) оказал сильнейшее влияние на всю русскую литературу. Популярность и долговечность "Прологу" придало именно собрание коротких, занимательных, нравоучительных рассказов и поучений. Они пронизаны духом Христовой любви и милосердия. Именно такие проложные статьи веками "задавали тон" церковным поучениям. Их цитируют позднейшие жития и "Домострой". Они служили сюжетным и нравоучительным материалом для создания "духовных стихов". В новое время их использовали поэты и писатели (К.Н. Батюшков, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой и др.).

¹ Петров Н.И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (Иноземельные источники). Киев. 1875. – 340 с.

Особый вид "Пролога" представляет собой так называемый "Стишной Пролог". Переведен он с греческого в Сербии в XIV веке. На Руси распространен был сравнительно мало. "Жития" в "Стишном Прологе" предварялись краткими стихами в честь святых. Предполагают, что он привезен митрополитом Киприаном, который способствовал распространению на Руси нового Иерусалимского устава¹.

"Четьи-Минен". Жития святых, помещенные в "Четых-Минях", отличаются от житий проложных прежде всего своим размером и способом изложения. Проложное житие кратко и сухо (подчас 10-15 строк). Минейное житие – это целый литературный памятник, иногда весьма обширный – до десятков, а то и сотен страниц.

Строение минейных житий чаще всего следующее. После довольно подробного изложения жизни святого идет изложение всех известных прижизненных его подвигов и чудес. Иногда они разнесены по всей биографии святого. Затем следует описание кончины праведника, приводятся его предсмертные наставления. Далее обыкновенно помещаются описания посмертных чудес подвижника, откуда особенно видна его святость. Все завершает похвала и молитва святому.

Понятно, что такие обширные жития составлялись довольно медленно, гораздо медленнее, чем краткие проложные жития. Число минейных житий было значительно меньшим, чем проложных. Степень заполнения церковного календаря проложными и минейными житиями была различной. "Пролог" довольно скоро заполнил весь год, а некоторые числа включали по несколько житий. В греческой же "Минее" X – XI веков было еще много дней совершенно пустых. Об этом писал М.Н. Сперанский в своих статьях о домакарьевской Минее за сентябрь-октябрь^{2,3}.

¹ Турилов А.А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV – XVI вв. С.39-44 // Теория и практика источниковедения и агиографии отечественной истории. М., 1978. – 146 с.

² Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Часть 1. Раздел 2. М., 1896.

³ Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Часть VI. М., 1901.

"Четьи-Минеи" появились в славянских странах раньше "Пролога". Славянский перевод их выполнен не позднее X века. Древнейшие славянские списки "Миней" относятся к началу XI века (например, Супрасльская рукопись). Есть основания думать, что "Четьи - Минеи" и на Русь пришли в то же самое время вместе с другой церковной литературой. Правда, дошедшая до нас русского письма "Успенская" "Минея" за май месяц датируется началом XII века.

Патерики. Что из себя представляют сборники, известные под названием "патериков", в которых помещено много агиографического материала, но которым эти сборники все же не исчерпываются? Однозначный ответ дать трудно – состав "патериков" весьма разнообразен. И все же нечто основное, общее выделить возможно. Н.И. Николаев пишет: "Эти патериковые рассказы, связанные с именами знаменитых подвижников или безымянных, являются своеобразной устной формой передачи монашеского идеала "совершенного человека" и способов его осуществления... Они представляют собой небольшие повествования об анахоретах и монастырях Египта или короткие изречения"¹.

К сказанному должно добавить: "патерик" есть письменно фиксированная форма устного аскетического предания, которое жило и живет в Церкви во все времена. Поэтому не только опыт египетских или других древних христианских подвижников вошел в "патерики", но "патерики" всегда пополнялись и умножались. Таков, к примеру, возникший на русской почве Киево-Печерский Патерик, основанный на устных преданиях его насельников. другие русские патерики. В данном же случае нас интересуют переводы наиболее известных "патериков", которые пришли к нам на Русь вместе с христианством.

а) Синайский Патерик.

Большинство патериковых рассказов переведено из "Луга духовного" преподобного Иоанна Мосаха (творение 1-й четверти VII в.).

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 299.

Предполагают, что Патерик был переведен в Болгарии в начале X века ранее других патериков, быть может, даже в конце IX века, если судить по лексике, самим равноапостольным Мефодием (гипотеза Т.А. Ивановой)"¹. А.С. Львов высказал мнение, что перевод был осуществлен на Руси в XI веке².

Извлечением из Синайского Патерика является так называемый "Лимонис" ("Книга, нарицаема Лимонис, еже скажется нового рая цветци различнии"). I-я, краткая редакция "Лимониса" имеет отчетливую антибогомильскую направленность и составлена в Болгарии в X веке. II-я редакция возникла на Руси во второй половине XI века³⁴.

б) Патерик Скитский. Переведен возможно самим Мефодием в 80-х годах IX века. Большую часть Патерика составляют определенным образом систематизированные "Изречения отцов"⁵.

в) Азбучно-Иерусалимский патерик. Основной раздел патерика – это "Изречения отцов", египетских монахов IV – V веков. "Патерик" состоит из алфавитной, анонимной и дополнительной частей. По мнению большинства ученых "Патерик" переведен в Болгарии в начале X века в кругу учеников Кирилла и Мефодия. На Руси получил распространение с XI века⁶.

г) Патерик Египетский. Распространен на Руси уже с XI века. Н.И. Николаев пишет: "Патерик был переведен, хотя и позже других патериков, в раннюю эпоху славянской письменности... скорее всего в период,

¹ Иванова Т.А. Заметки о лексике Синайского Патерика (К вопросу о переводе Патерика Мефодием). С. 149-152. // Проблемы современной филологии: Сборник статей к 70-летию академика В.В. Виноградова. М., 1965. – 475 с.

² Львов А.С. Рецензия: Синайский патерик. М., 1967. С. 107-110. // В журнале Славянское славяноведение. 1971, № 6.

³ Смирнов И.М., священник. Синайский патерик в древнеславянском переводе: Сергиев Посад, 1917. – 295 с. С. 155-157, 215-223, 226-248, 250-257.

⁴ Соболевский А.И. Отзыв о труде свящ. И.М. Смирнова: Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917. С. 293-294 // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т.23. Кн. 2. Петроград, 1921.

⁵ Перображенский В.С. Славяно-русский скитский патерик: Опыт историко-библиографического исследования. Киев, 1909. – 220 с.

⁶ Федер В.Р. Сведения о славянских переводных патериках. С. 215-217 // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. М., 1976. – 484 с.

последовавший за деятельностью непосредственных учеников Кирилла и Мефодия"¹.

д) Патерик Римский. Около 593-594 года папа Римский Григорий Великий (в славянской традиции Двоеслов или Беседовник) написал на латинском языке "Диалоги о житии и чудесах италийских отцов и о вечной жизни души". Между 741 и 752 годами папа Захария перевел "Диалоги" на греческий язык. Известны три славянских перевода с греческого языка: 1) неполный – относится к начальному этапу славянской письменности; 2) перевод сделанный в Болгарии в XIV веке; 3) еще один болгарский перевод XIV века, вошедший в состав Патерика Сводного.

Заглавие "Патерик Римский", по всей видимости, появилось в древнерусской письменности лишь в первой половине XIV века как попытка классифицировать патерики по географическому принципу².

Переводные патериковые сказания активно привлекались в состав "Пролога". Их включали в различные сборники, использовали при написании житий святых, при составлении самостоятельных русских патериков. В "Изборнике 1076 г." в качестве источников привлечены патерики Азбучно Иерусалимский и Скитский. Некоторые мотивы рассказов Египетского патерика отражены в несторовом житии Феодосия Печерского. В Киево-Печерском патерике приводятся изречения из Скитского патерика и так далее.

Круг переводной греческой литературы, конечно, не исчерпывался поименованными выше житийными сборниками. Существовало немало переводов отдельных житий. Например, повесть – житие о Варлааме и Иосафе Индийском, жития святителя Николая Чудотворца, Иоанна Златоуста, Атнония Великого, Афанасия Александрийского, Алексия человека Божия, Андрея Христа ради юродивого, Василия Нового (с

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 305-306.

² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 314.

мытарствами Феодоры). Георгия Победоносца, Евстафия Плакиды, Нифонта Константинопольского, Димитрия Солунского, Феодора Тирона, Феодора Стратилата, Арефы и дружины его, великомученицы Варвары и Улиании, Ирины и другие жития.

Так Нестор в житии Феодосия Печерского не избежал влияния житий Антония Великого, Иоанна Златоуста, Саввы Освященного, Людмилы и Вячеслава Чешских. Особенно показательным в этом смысле является житие Людмилы и Вячеслава. Его воздействие заметно не только в агиографических сочинениях Нестора (см. еще "Чтение о Борисе и Глебе"), но и в "Слове о Законе и Благодати" митрополита Иллариона, в "Сказании о Борисе и Глебе".

Житие Андрея Юродивого не только отразилось в цикле памятников на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, но нашло определенное отражение даже в апокрифическом "Откровении Мефодия Патарского"¹.

Если мы, к примеру, возьмем один из самых интересных и совершенных в литературном отношении памятников древнерусской церковной письменности "Сказание о Борисе и Глебе", то должны будем констатировать, что его автор знал и использовал целый ряд памятников переводной литературы. Ученые Мюллер и Шахматов датировали "Сказание о Борисе и Глебе" 80-ми годами XI века. Некоторые же исследователи датировали его XII-м веком.

Автор ссылается или использует жития Варвары, Меркурия Кесарийского. Димитрия Солунского, Алексия человека Божия, Людмилы и Вячеслава Чешских, "Мучение Никиты". Последнее переведено в конце XII века в Южной Руси. Впоследствии оно стало считаться "отреченным", апокрифическим.

Иногда переводные жития оказывали "долгосрочное" влияние на русскую литературу. Примером может служить житие Алексия человека Божия. Влияние жития прослеживается кроме "Сказания о Борисе и Глебе"

¹ Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и летопись. С. 380-382 // Известия отделения словесности Академии наук. Т.29. Л., 1925.

еще и в "Повести о житии Александра Невского", в житиях Константина Муромского, Меркурия Смоленского, в "словах" Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, Стефана Яворского, в украинской драме "Алексий Божий человек" (1672 – 1673), в "духовных стихах", в виршевом акафисте, посвященном царевичу Алексею Петровичу, и так далее – вплоть до XX века¹.

Некоторые жития не только переводились, но подвергались на русский почве переработке. В этом смысле можно указать на житие Косьмы и Дамиана.

С XIV века на Руси стало известно "Житие Богородицы", написанное в XI – XII веках монахом Епифанием в монастыре Каллистрата во Иерусалиме. Житие испытало на себе влияние апокрифических сказаний².

Иногда образовывались целые циклы переводных, а затем и оригинальных памятников, посвященных тому или иному святому. Так сборники XII – XIII веков содержат ряд сказаний о святом Иоанне Предтече. Тоже самое можно сказать о Николае Чудотворце. В народном сознании образ святителя Николая иногда подвергался мифологизации, смешивался с остатками языческих суеверий³.

Нередко содержание житий святых одноименных переписчиками смешивалось, создавая немалые трудности для понимания. Яркий пример – жития Феодора Тирона и Феодора Стратилата.

Обилие чудес в некоторых житиях приводило к тому, что их начинали рассматривать как апокрифы. Таконы "мучения" Ирины, Никиты.

Своеобразно еще одно агиографическое сочинение. Не позже начала XII века, вероятно, в Киеве переведена "Повесть о Варлааме и Иоасафе царевиче Индийском". Здесь нет возможности излагать длинный путь этого

¹ Адрианова В.П. Из истории русской агиографии XVI в. С.146 – 154. // Сборник в честь 30-летней деятельности А.И. Малеина. Петроград, 1922. – 374 с.

² Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890. – 471 с. С. 96-99, 295-311.

³ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. Издательство МГУ. М., 1982. – 248 с.

центральноазиатского сказания в Европу и на Русь, но одно можно предположить с достаточной вероятностью – широчайшим распространением среди разных народов "повесть" обязана своему почти сказочному сюжету. Уже в первой редакции "Пролога" внесено пять притч из древнерусского перевода "Повести" (есть еще два славянских перевода – сербский и среднеболгарский) с толкованиями русского книжника¹. Две притчи вместе с проложными толкованиями использовал Кирилл Туровский в своей "Притче о белоризце".

Отдельную группу составляют благочестивые сказания вошедшие в различные нравоучительные сборники, которые сюжетной своей стороной тяготеют к литературе агиографической, однако анонимность персонажей этих сказаний и неопределенность временно-пространственных характеристик происходящего не дают возможности полностью отнести их в область агиографии. Таковы, к примеру, "Повесть о благочестивом рабе" ("Слово от патерика, яко не достоин идти от церкви, егда поют"), "Сказание о купце" и другие.

На периферии этой литературы встречаются и явно легендарные сочинения. Таково "Сказание о Индийском царстве". Цель – ободрить православных христиан Малой Азии перед лицом все возрастающей мусульманской опасности. Где-то на Востоке правит страной царь – священник Иоанн – "поборник по православной вере Христовой". Он – "защитник и надежда христиан".

"Сказание" появилось на греческом языке в XII веке, а на Русь попало в XII - XIV веках. Написано оно в форме послания индийского царя-священника Иоанна к византийскому императору Мануилу². В XIV веке

¹ Лебедева И.Н. К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и древнерусской литературы Иосафе в составе Пролога. С. 41-53 // Труды отдела Института русской литературы АН СССР. Т.37. М., 1983. – 424 с.

² Полевой Н. Предания в России о царе - священнике Иоанне. Московский телеграф. 1825, №10, май. С. 96-105.

"сказание" было использовано в "Повести о Митяе" – незаконном претенденте на русский митрополичий престол.

Мы кратко коснулись только некоторых аспектов переводной житийной литературы. Это очень объемная и важная тема, многие стороны которой до сих пор мало исследованы церковной наукой.

Древнейшие славянские переводы греческих канонических сборников восходят к IX веку. Первый из них – "Номоканон в 50 титулах" Иоанна Схоластика (VI в.). О нем есть упоминание в Паннонском житии равноапостольного Мефодия: "Тогда же и Номоканон рекше закону правилу и отеческих книг преложи"¹. Перевод сделан во второй половине IX века, вероятно, самим Мефодием.

В том или ином объеме переводилось и законодательство византийских императоров, которое касалось Церкви. Например, делались переводы из сборника "87 глав" императора Юстиниана, компиляция из "Экологии" Льва Исавра и Константина Копронима под названием "Закон судный людем"².

Рано был сделан и славянский перевод "Номоканона в XIV титулах" патриарха Фотия (857-867; вторично 877-886). До нас дошел список XI – XII века³. Профессор С.В. Троицкий писал: "По новым исследованиям этот "Номоканон" был переведен в восточной Болгарии в эпоху болгарского царя Симеона (892-927) в конце IX или в начале X века одним из литературных кружков"⁴.

Со второй половины XIII века на Руси появится новый перевод "Фотиевского Номоканона" с толкованиями известных византийских канонистов Аристина, Зонары и Вальсамона, чего не имел первый перевод.

¹ Цыпин В., протоиерей. Церковное право. Курс лекций. Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви. М., 1994. – 440 с. С. 90.

² Суворов Н. Учебник церковного права. 5 - е издание. М., 1913. – 535 с. С. 171.

³ Древне-славянская кормчая: XIV титулов без толкований: Т. 1. / Труд В.Н. Бенешевича; изд-е Отд. русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, Т. 1. 1906. – V, 837 с.

⁴ Вестник Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1959. №1-3. С. 45.

Этот перевод прошел через сербскую среду и так или иначе связан с именем первого архиепископа Сербии святого Саввы Современный исследователь Саввиной "Кормчей". Я.Н. Шапов считает, что "степень участия в создании "Кормчей" первого архиепископа Сербии Саввы создателя ее автокефальной организации, ставшего его главой в 1219 г., не ясна"¹.

За пределами рассматриваемого нами периода остается и "Номоканон при Большом Требнике", время составления которого на Афоне относят к первой половине XV века, а его славянский перевод к началу XVI века.

По мнению профессора А.С. Павлова в XI веке при Ярославе Мудром переведена "Синтагма" словарь по церковному праву, включавший каноны и гражданские законы касающиеся Церкви². Знаменитая же "Алфавитная Синтагма" афонского иеромонаха Матфея Властаря, которую он составил в 1335 году, в 1346 году была переведена в Сербии на славянский язык. Тогда же была составлена и ее краткая редакция. В России же перевод на церковно славянский язык "Алфавитной Синтагмы" был выполнен лишь в конце XVII века по благословению Патриарха Адриана иноком Чудова монастыря Евфимием. Русский же перевод ее относится к концу XVIII века³.

К области переводной канонической литературы надлежит, вероятно, отнести и грамоты Константинопольских Патриархов русским митрополитам, епископам и князьям. Эти грамоты были самыми авторитетными источниками древнерусского церковного права. Профессор протоиерей Владислав Цыпин пишет: «Некоторые из этих грамот дошли до нас. Среди них: 1) грамота Патриарха Луки Хрисоверга к Суздальскому князю Андрею Боголюбскому с отказом в его просьбе об учреждении во Владимире-на-Клязьме отдельной митрополии, независимой от Киевской

¹ Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI - XIII вв. М., 1978. – 291 с. С. 123.

² Павлов А.С. Курс церковного права. Св. Троице - Сергиева Лавра, 1902. – 539, VI с.

³ Алфавитная синтагма. С. 63 – 64. // Православная энциклопедия. Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. II. Церковно-научный центр. "Православная энциклопедия". М., 2001. – 752 с.

кафедры (1160 г.); 2) грамота Патриарха Германа Киевскому митрополиту Кириллу, запрещающая хиротоннию холопов, а так же настаивающая на невмешательстве князей и бояр в дела церковного суда и на неприкосновенности церковного имущества (XIII в.); 3) соборные ответы Патриарха Векка на вопросы Сарайского епископа Досифея (1276 г.); 4) грамота Патриарха Нифонта Тверскому князю Михаилу Ярославовичу по поводу его жалобы на святителя Петра (начало XIV в.); 5) грамота Патриарха Нила, посланная в Псков по поводу ереси стригольников; в этой грамоте оправдывается взимание пошлины со ставленников (1382 г.); 6) грамота Патриарха Антония великому князю Московскому Василию Дмитриевичу с укоризной за неуважение к византийскому императору (конец XIV в.). В грамоте предписывается возносить имя императора за богослужением во всех храмах Русской Церкви. Грамота Патриарха Германа и соборные ответы Патриарха Векка входили в состав русских "Кормчих"»¹.

В период зависимости Русской Церкви от Константинопольского Патриархата издавались церковно-правовые документы, имевшие государственное происхождение. Их издавала не только местная княжеская или великокняжеская власть, но и византийские императоры, золотоордынские ханы. «Сохранились некоторые грамоты византийских императоров по русским церковным делам: например, 4 грамоты Иоанна Кантакузена о разграничении пределов Киевской и новообразованной Галицкой митрополии (1347 г.)»². Монгольские же ханы выдавали русским митрополитам так называемые ярлыки, которых доныне сохранилось семь (XII - XIV вв.). Конечно, подобный канонический материал можно отнести к переводной литературе с немалой долей условности. Но упомянуть о ней все же следовало.

¹ Цыпин В., протоиерей. Церковное право. Курс лекций. Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви. М., 1994. – 440 с. С. 99-100.

² Цыпин В., протоиерей. Церковное право. Курс лекций. Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви. М., 1994. – 440 с. С. 99-100.

В первые столетия своего христианского бытия Русь остро нуждалась в переводах византийской канонической литературы, так как "официальное принятие христианства в 988 г. произвело коренной перелом в государственно правовой жизни древней Руси, изменило кардинальным образом весь строй жизни общества"¹.

"Русское обычное право во многом прямо противоречило христианской нравственности и нормам церковного права: многоженство, способы и условия совершения брака, отпущение жены, наложничество и проч. – все нуждалось в исправлении и корректировке. С другой стороны, христианское государство не могло не определить полномочия, привилегии и иммунитеты церковной власти на своей территории. Наконец, прибывшие на Русь греки из Византии не желали пользоваться в личных и имущественных отношениях туземными обычаями, предпочитая свое привычное византийское право"².

Естественно, что с течением времени усиливалась значимость древнерусской церковно-канонической литературы. Но фундамент ее переводная каноника Византии.

2.2. Богословско-учительная и полемическая литература

Группа богословско-учительной литературы самая крупная среди переводных памятников. К ней принадлежат переводы творений Отцов Церкви, экзегетические и догматические сочинения, проповеди, поучения. В настоящей работе, в главе "Некоторые замечания о характере переводной церковной литературы" мы уже касались этой темы и здесь нет никакой необходимости повторяться. В данном же случае обратим внимание на некоторые древнерусские сборники, в которых помещалось множество

¹ Варьяс М.Ю. Краткий курс церковного права. Учебное пособие. МЗ-Пресс. М., 2001. – 127 с. С. 72.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов на - Дону, 1995. – 639 с. С. 144.

отрывков из святоотеческих творений. Отдельные же творения входили в сборники полностью.

Уже в ранний период христианской письменности на Руси мы встречаемся со стремлением русских книжников переводить, или же самим заключать святоотеческие творения (чаще выборки из них) в различные сборники тематического или же смешанного состава. Таков "Изборник 1073 года", переписанный с болгарского оригинала, который заказал "великий в князих князь Святослав" (Святослав Ярославович стал великим князем в 1073 году).

Основную часть "Изборника" занимают "Ответы Анастасия Синаита", из творений Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Максима Исповедника, Кирилла Александрийского и других Отцов. По подсчетам исследователей в "Изборнике" содержится более 380 статей, принадлежащих 25 авторам¹. Конечно, не все статьи есть святоотеческие выдержки (к примеру, трактат о поэтике "Об образех" Георгия Хировоска), но таковых в "Изборнике" немало. Сама подборка статей была составлена по инициативе болгарского царя Симеона (князь с 893 г., царь – с 919 по 927 г.), известного покровителя книжности².

"Изборник 1076 г." (именуется еще "Изборник князя Святослава") составлен, вероятно, древнерусским книжником. Источником ему послужил, как можно думать, протограф "Изборника 1073г."³. Кроме фрагментов из библейской книги "Премудрости Иисуса, сына Сирахова", житий святых, других фрагментов и статей мы находим здесь "Стословец" Геннадия, патриарха Константинопольского, в котором излагаются основные положения христианского учения и морали. Здесь же находятся

¹ Жуковская Л.П. Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. (в научном аппарате к факсимильному изданию "Изборника"). Изборник Святослава 1073 г. М., 1983. – 534 с.

² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 184.

³ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 197.

извлечения из творений Иоанна Златоуста, Нила Синайского, Афанасия Александрийского, Анастасия Синаита¹.

Своеобразный справочник по вопросам христианской морали представляла собой компиляция известная под названием "Пандекты" Антиоха (уроженец Галатии, подвизался в Лавре Саввы Освященного близ Иерусалима в начале VII века). Сборник включает послание Антиоха к Евстафию, игумену Атталинского монастыря, и 130 глав о различных добродетелях и пороках. В них содержатся выписки из Священного Писания и святоотеческих творений².

Еще в X веке "Пандекты" были переведены в Болгарии, а в XI веке стали известны и на Руси. Многие нравоучения из "Пандектов" были очень рано перенесены в "Пролог". По мнению архимандрита Амфилохия одна молитва, восходящая к "Пандектам" (гл. 19), помещена в часослове, а две другие молитвы – в Псалтири (из гл. 84 – после 3-й кафизмы, из гл. 85 – после 12-й кафизмы)³. На "Пандектах" во многом основано Послание Иакова-черноризца князю Дмитрию Борисовичу⁴. Древнерусские сочинения против пьянства опирались в основном на соответствующую главу "Пандектов"⁵. Включил их, конечно, в XVI веке в свои "Минеи" и митрополит Макарий.

Основные положения христианского вероучения и морали представлены еще в одном раннем памятнике переводной литературы – "Стословце" Геннадия, патриарха Константинопольского († 471). "Стословец" представляет собой подборку из ста небольших глав.

¹ Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности: Извлечение из рукописей и опыта историко-литературных исследований. Т. 1 – 4. Казань, 1889. Т. 1-2. С. 37-6; 1890. Т.3. С. 81-83 ; 1890. Т. 4. С. 70-73, 195-198, 207-211, 227.

² Архангельский А.С. К изучению древнерусской литературы: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888. – 146 с. С. 92-93.

³ Амфилохий, архимандрит. Исследование о Пандекте Антиоха XI в., находящемся в Воскресенской Новоиерусалимской библиотеке. М., 1880. – 184 с.

⁴ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. – 616, [4] с. С. 456-463.

⁵ Калиновская В.Н. К изучению древнейших поучений и слов против пьянства. С. 60-61 // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. – 272 с.

Переведен, вероятно, в Болгарии¹. Древнейший список "Стословца" находим в "Изборнике 1076 г.". Позже он входил в "Злату цепь", "Измарагд", другие сборники.

С XII века начал широко распространяться сборник постоянного состава под наименованием "Златоструй", который содержал слова надписанные именем Иоанна Златоуста. В предисловии к сборнику сказано, что он был составлен болгарским царем Симеоном (893-927)². Имеется полная и краткая редакция сборника. Со временем сборник развивался. Поэтому в нем находим и эклоги Феодора Магистра (Дафнопата), и статьи славянских авторов. Позже "Златоструй" использовался при составлении других сборников устойчивого состава – "Златоуста", "Торжественника".

Не позднее XII – XIII веков появился на Руси переводной сборник "Пчела". Одна из редакций сборника озаглавлена: "Книги бьчела. Речи мудрости от Еуангелья и от апостола и от святых мужь и разум внешних философ". В различных редакциях "Пчелы" находим цитаты из Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Севериана Гевальского, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника и других Отцов³. Во весь древнерусский период "Пчела" активно использовалась нашими писателями при составлении собственных сочинений.

Как было уже упомянуто ранее в разделе "Агиография", святоотеческий материал присутствовал в "Прологе", патериках.

В подражание "Пандектам" Антиоха преподобный Никон Черногорец (XI в., Сирия) составляет свои "Пандекты", представляющие собой монтаж выписок из творений святых Отцов, постановлений Соборов и других памятников (всего 63 главы). Второй труд Никона Черногорца – "Тактион". Это одна из наиболее известных византийских канонических компиляций (всего 40 глав), где особое внимание обращено на

¹ Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славянской письменности. М., 1905. – 777 с. С. 505-515

² Палаузов С.Н. Век Симеона Болгарского. СПб., 1852. – 166 с. С. 84.

³ Михайлов А.В. К вопросу о греко-византийских и славянских сборниках изречений. С. 15-59. // Журнал министерства народного просвещения. 1893, январь.

дисциплинарные вопросы. Оба сочинения Никона были рано переведены на славянский язык. Наиболее ранний список перевода "Пандектов" датируется XIII веком. Сочинения Никона пользовались исключительной популярностью на Руси. Выборки из них включались в различные сборники, уставы¹.

Не менее популярен был и восходящий к греческому переводу сборник слов сирийского богослова и поэта преподобного Ефрема Сирина. В основе славянского перевода (вероятно, X в., Болгария) лежат "увещательные слова" Ефрема к монахам. Отсюда название книги "Паренесис" (λόγοι παραίνετικοί). На Руси сборник распространился в XI – XIII веках. Так, к примеру, в Киево-Печерском патерике встречаем ссылку на книгу Ефрема².

Святой Ефрем Сирийский много дал христианскому богословию по истолкованию Священного Писания. С раннего времени мы встречаем его "слова" по различным древнерусским сборникам. Это и трогательное "Слово об Иосифе Прекрасном", и исполненное высокого лиризма "Слово о кончине мира", и "Слово о злых женах" (иногда встречается под именем Иоанна Златоуста) и многие другие поучения.

В XIV веке появился сборник устойчивого состава, получивший название "Измарагд". Большинство статей "Измарагда" было посвящено вопросам христианской морали. Предназначался сборник для домашнего монастырского келейного чтения. Многие его статьи основывались на греческом и русском святоотеческом материале. Из русских отцов в "Измарагде", например, использованы сочинения Серапиона Владимирского (†1275). Некоторые исследователи (А.Д. Седельников, Н.П. Попов, А.И. Клибанов) связывали возникновение "Измарагда" с реакцией Церкви на еретическое движение стригольников³. Архиепископ Филарет

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 292-294.

² Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. – 704 с. С. 514.

³ Клибанов А.И. Реформационное движение в России в XIV - первой половине XVI в. М., 1960. – 411 с. С. 385-388.

(Гумилевский) даже считал составителем 42-х глав "Измарагда" святителя Дионисия Суздальского. Эти главы, по мнению Филарета, "могут быть признаны за несомненно русские сочинения"¹. Но с этим мнением согласны далеко не все.

Помещался святоотеческий материал и в сборниках предназначенных для уставного, календарного чтения, каковыми, к примеру, являлись "Златоуст" и "Торжественник".

В южнославянской и древнерусской церковной письменности получил распространение сборник относительно устойчивого, а то и варьирующегося состава под названием "Златая цепь". Основой ему послужили экзегетические сборники с тем же названием. Но на славянской почве "Чепь" претерпела изменения – в нее вошел разнохарактерный как переводной, так и оригинальный церковный материал (например, поучения Матфея Сарайского, Серапиона Владимирского). "Чепь" явно тяготела к хрестоматии энциклопедического характера², представляя длинную череду поучительных отрывков.

В Византии с давних времен получил развитие литературный жанр так называемых "зерцал". "Зерцало" представляет собой наглядный беллетризованный учебник. Этот жанр "был известен и в античности, и в средневековье и внутренне весьма разнообразен"³. Именно в этом жанре между 527 и 548 годами было написано "Поучение" Агапита ("Изложение совещательных глав царю Иустиниану, сложенных Агапитом, диаконом святейшиа божия великия церкви"). Это "зерцало" представляло собой подборку наставлений правителю, "азбуку византийской императорской доктрины"⁴. В число источников "Поучения" входят сентенции античных

¹ Филарет (Гумилевский), архиепископ. Обзор духовной литературы. Кн. 1. 3-е издание. СПб., 1884. – 511 с. С. 80.

² Пономарев Л.И. К литературной истории древнерусских сборников "Златая цепь". С. 1-32. // Ученые записки Казанского университета. Кн. 8. 1916. – 176 с.

³ Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV - XV веков. "Наука". Л., 1987. – 292, [1] с. С. 70.

⁴ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. "Наука". Л., 1989. – 528 с. С. 300.

философов (Платона, псевдо-Исократ), а также святоотеческие тексты (Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского).

Первый славянский перевод "Поучения" Агапита весьма древен. Есть основания относить его к преславским переводам, то есть ко временам учеников Кирилла и Мефодия. Обширные извлечения из "Поучения" вошли в "Изборник 1076 г." Вплоть до XVII века это "византийское "зерцало" по прежнему воспринимается в двух ракурсах – как урок царям и как моралистическая книга общечеловеческого значения"¹.

И еще одно византийское "зерцало" – «Диоптра, или Душезрительное "зерцало" Филиппа Менотропа ("Пустынника", или точнее, "Уединенника"), монаха XI века, получило широкое распространение на Руси. Славянский перевод "Диоптры" был сделан около середины XIV века. "По – гречески "Диоптра" написана восьмистопным ямбом ("политическим" стихом). переведена ритмической прозой; представляет собой композицию с сравнительного небольшого Плача, горестного обращения к собственной душе, содержащего около 370 стихов ("Плачеве и рыдания инока грешна и странна, имиже спирашася к души своей") и Диалога, разговора Души-госпожи и служанки-Плоти, разделенного на четыре части ("слова"), каждая из которых включает более 1000 стихов. Композиции предпосланы три предисловия (Михаила Пселла, Константина Ивеста и самого автора), сопровождают ее авторское предисловие и несколько добавочных статей»².

В "Диоптре" собраны «всевозможные сведения о человеке, почерпнутые как из Священного Писания и святых Отцов (в частности, из "Лествицы" преподобного Иоанна Синайского), так и из античных философов»³.

Мы только лишь слегка обозначили здесь весьма объемную тему состава древнерусских учительных сборников (среди них встречаются и

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. "Наука". Л., 1989. – 528 с. С. 302.

² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. "Наука". Л., 1988. – 518 с. С. 192-193.

³ Прохоров Г.М. "Диоптра" Филиппа Пустынника - "душезрительное зеркало". Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. – 225 с. С. 143 - 166.

совершенно анонимные), в которых размещено огромное количество переводного богословско-учительного, в первую очередь святоотеческого материала. Хотелось бы повторить уже высказанную ранее в нашей работе мысль по поводу популярности сборников: "При всей внешней раздробленности и разнохарактерности попадавших в такие сборники фрагментов, отрывков, а то и просто замечаний их объединяла одна главная цель конкретно, четко и практически помочь христианину на пути реального духовно-нравственного возрастания. А поскольку духовная жизнь многолика и многообразна в ее субъективной реализации в каждом отдельном человеке, то многолико, многообразно и содержание таких сборников".

К сказанному надлежит добавить еще то, что такие сборники представляли собой как бы мини-библиотеки, доводившие до читателя основные христианские идеи и утверждения скоро и компактно.

Естественно, богословско-учительная литература существовала на Руси и в виде отдельных переводных и оригинальных сочинений. Митрополит Макарий (Булгаков) перечисляет ряд таких переводов, дошедших до нас от первых веков христианства на Руси: "... 2) Толкования на священное писание. Таковы: а) Толковая Псалтирь, сохранившаяся только в отрывках XI века, и б) Толкова Псалтирь, сохранившаяся почти в целости и принадлежащая Чудову монастырю, XI – XII вв.

3) Поучения церковные. Сюда относятся: а) 13 Слов святого Григория Богослова, писанных в XI столетии и, как догадываются, в России; б) сборник Слов: святого Златоуста – числом 18, святого Василия Великого – одно, святого Елифания Кипрского – одно и Фотия, Цареградского патриарха, одно в списке XI в.; в) книга под названием "Златоструй", содержащая в себе 136 избранных Слов святого Златоуста с некоторыми прибавлениями, составленная болгарским царем Симеоном (889-927), в списке XII в. г) четыре Слова святого Климента, епископа Словенского или Величского, († 916) в списках XII в.

4) Сочинения, касающиеся догматов веры и нравственности. Таковы: а) Точное изложение православной веры, или Богословие, святого Иоанна Дамаскина, переведенное Иоанном, экзархом Болгарским, не вполне, в списке XII в., но существовавшее у нас и в XI в., как видно из ссылки на эту книгу или Иакова; б) Пандекты Антиоха, игумена обители снятого Саввы (нач. VII в.), собрание размышлений и наставлений о разных предметах, преимущественно нравственного богословия, расположенных в 130 отделениях, в списке XI в., в) Лествица Иоанна Лествичника – сочинение нравственно-аскетическое, в списке XII века... укажем на Слово святого Мефодия, епископа Патарского, о последних временах, которым пользовался еще преподобный Нестор в своей летописи под 1096 годом,... на догматическое послание святого Льва, папы Римского, к Цареградскому патриарху Флавиану против ереси Евтихией, переведенное с греческого по поручению известного князя-инока Николы Святоши (1107-1142) незадолго пред его кончиною каким-то черноризцем Феодосием, который прибавил от себя к посланию предисловие и послесловие"¹.

Сделаем небольшое замечание по поводу указанного митрополитом Макарием "Слова" святого Епифания Кипрского. Эта переводная гомилия более точно именуется "Слово Епифания Кипрского о погребении Иисуса Христа и о Иосифе Аримафейском". В ней ощущаются апокрифические мотивы и даже наблюдаются текстуальные совпадения с апокрифическим Евангелием Никодима². Нечто подобное должно сказать и об "Откровении Мефодия Патарского". Там тоже сильна апокрифическая струя³.

Следует также назвать "Слово и Сказание Ипполита об антихристе" (XI в.), "Слово святого Иоанна Милостивого о исходе души" (в "Прологе" XI в.) "Слово о лживых учителях" (между 1274 и 1312 гг.) – русская

¹ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга вторая. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1985. – 704 с. С. 226-227.

² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 423-425.

³ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 437-438.

переработка сочинения псевдо-Златоуста "Слово о лжепророках и лжеучителях, и об еретиках, и о знамениях кончины века сего" (известно в составе "Златоструя").

Можно также указать и на "Слово святого Григория изобретено в толцех" (конец XIII – начало XIV вв.; иногда датируют даже 60-ми годами XI века). Эта компиляция составлена на основе "Слова на Богоявление" святого Григория Богослова. Направлена она против славянского язычества, так как эта гомилия святителя Григория почиталась одним из классических образцов обличения язычества вообще. Отдельные слова Иоанна Златоуста рассеяны во множестве по древним рукописям, начиная с XI века. Из творений Василия Великого был известен целый ряд слов и поучений, особенно аскетических ("Слова постнические").

В XI веке на Руси в южнославянском переводе стал известен сборник из 13 слов Григория Богослова¹. Не позднее XIV века сборник содержал уже 21 поучение святителя Григория. Множество переводов других слов и поучений, принадлежавших или надписанных именами различных Отцов Церкви, распространялись по Руси. Здесь найдем и Афанасия Великого, и Кирилла Александрийского, и Иоанна Синайского, и Иоанна Дамаскина, и Феодора Студита и многих других².

Весьма рано проникли на Русь в готовых южнославянских переводах так называемые "толковые" тексты. Главным образом это толкования на Священное Писание. От века болгарского царя Симеона (X в.) в обработке Константина-пресвитера дошло до нас "Учительное Евангелие". Это выборка отчасти из творений Иоанна Златоуста, отчасти из творений других Отцов, так называемые "катены" ("цепи" – все толкования представляются как бы звеньями одной цепи). Были известны и другие многочисленные толкования на Новый Завет или его отдельные места.

¹ Будилович А.С. Тринадцать слов Григория Богослова в древнеславянском переводе. СПб., 1875. – XII, 285 с.

² Владимиров П.В. Древнерусская литература киевского периода. Киев, 1901. – 480 с. С. 15 и след.

В 1047 году Упырем Лихим было списано "из куриловицы" толкование на ветхозаветных пророков¹. От XI века дошло две "Толковых Псалтири" блаженного Феодорита Киррского и Афанасия Александрийского. Известны были толкования блаженного Феодорита на книгу Бытия, толкования Афанасия Александрийского и Филона Карпафийского на Апокалипсис.

Из крупных переводов надлежит назвать Корпус сочинений Дионисия Ареопагита, который был переведен на славянский язык вместе с обширными толкованиями Максима Исповедника сербским иноком Исаией, который предпринял труд по "принуждению" епископа города Серы на Балканах Феодосия. Закончил Исаия этот перевод в 1371 году. Русские списки известны с середины XV века. Очень возможно, что появление на Руси этого перевода связано с именем Московского митрополита Киприана Серба († 1406)².

Настоящий краткий обзор богословско-учительной переводной литературы убеждает нас в том, что пополнение этого раздела древнерусской церковной письменности было делом особой заботы Церкви и первых поколений образованных русских христиан. Это и понятно – только христианское просвещение могло вести к углублению религиозного самосознания новообращенного народа. Для тех далеких времен эта литература представляла собой еще и мощный источник знания как такового. На ней воспитывались самобытные русские писатели. И хотя общий культурный уровень Руси того времени был несравненно ниже, чем в Византии, литература оказывала свое духовно-благотворное воздействие не только на образованное меньшинство, но и на массу народа – в основном через "бескнижные" средства передачи ее идей. В первую очередь это церковная проповедь, иконография, внехрамовая беседа и общение

¹ Сперанский М.Н. История древней русской литературы. Издание четвертое. СПб., 2002. – 541, 1 с. С. 228.

² Прохоров Г.М. Корпус сочинений с именем Дионисия Ареопагита в древнерусской литературе: (Проблемы и задачи изучения). С. 351-361 // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 31. Л., 1976. – 403, [1] с.

пастырей с паствой, образованных христиан со своими менее сведущими соотечественниками, что уходило глубину повседневности, в самую толщу быта. Так иногда опосредованно богословско учительная литература действительно оправдывала возлагавшиеся на нее надежды – быть основным двигателем религиозно-нравственного воспитания народа.

Вместе с принятием нами восточного образца христианства Византия сообщила нам и определенное отношение к христианству западному, к латинству, – конечно, негативное. В «Повести временных лет» читаем: «И крещену же Володимеру в Корсуни, предаша ему веру крестьяньскую рекуще сице: «Да не прельстят тебе неции от еретикъ... не приимай же от латыне учения, их же учение развращено"¹.

Естественно было ожидать, что греческое духовенство и дальше будет оберегать новообращенную Русь от римо-католического влияния. Тем паче, что к началу XI века отношения Константинополя и Рима окончательно начали портиться, а в 1054 году последовал разрыв. Действительно, антикатолическая реакция Византии нашла определенное отражение в начале в переводной, а затем и в оригинальной церковной литературе Руси.

Из области переводов до нас дошло ряд «слов» и «поучений», направленных против латинства. Их изданию и исследованию еще в XIX веке была посвящена специальная работа А.Н. Попова², а некто А.С. Павлов поместил на нее рецензию в Отчете о 19-м присуждении премий графа Уварова³.

В «словах» и «поучениях» обыкновенно перечисляются «вины латинския». Эти греческие поучения послужили базой для выборок и противолатинских компиляций уже на русской почве. Так, например, в

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI – XII века. "Наука". СПб., 2000. – 544 с. С. 156-158.

² Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI - XV вв.). М., 1875. – VIII, [2], 418 с.

³ Отчет о 19 присуждении премий гр. Уварова. СПб., 1878. – [4], 420 с. С. 187-396.

послании преподобного Феодосия Печерского «Слово святого Феодосья игумена Печерьскаго монастыря о вере крестьянской и о латыньской» (1069 г.)¹, адресованном киевскому князю Изяславу Ярославичу, мы видим прямую выборку из одного такого поучения².

Компилятивный характер носят и другие русские противолатинские сочинения, которые также опираются на греческие переводы. Таковы «Сочинение об опресноках» Киевского митрополита Леона (Леонтия; 992-1008), «Георгия, митрополита Киевского стязанье с латиною, вин числом 70» (ок. 1062-1077), митрополита Киевского Иоанна II (ок. 1077-1088) «Послание к папе Римскому» (антипапе Клименту III), три Послания против латинян Никифора I, митрополита Киевского (1104-1121): 1) к великому князю Владимиру Мономаху; 2) к неизвестному князю; 3) к князю Муромскому Ярославу Святославичу.

Как видим, авторы этих сочинений греки-митрополиты, писавшие в России и в основном по-русски. Хотя, к примеру, сочинение митрополита Леона дошло до нас на греческом языке, а стиль Посланий митрополита Никифора выдает их греческий оригинал.

Одной из характерных черт полемической литературы начального периода является смешение разноуровневого информативного материала. Существенное почти не отделено от формального. Важное перемежается со второстепенным и менее значимым. Догматические выкладки соседствуют с перечислением обрядовых различий. Конечно, здесь сыграл свою роль схоластический подход к изложению материала, мало различающий действительно важное от мелкого, а то и мелочного. Суть оказывается погребенной под ворохом скрупулезно собранных частных и как бы уравнивается с ними. Таково было мышление и литературный стиль эпохи.

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI – XII века. "Наука". СПб., 2000. – 544 с. С. 448-452.

² Срезневский И.И. Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанного преподобного Феодосию Печерскому. С. 34-43. // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук. Т. 1. СПб., 1867. – 413 с.

Но была и еще одна причина – невысокий интеллектуальный уровень развития русского общества того времени, даже наиболее образованных его классов. С этим приходилось считаться. Неофиту, вчерашнему приверженцу язычества, где все погружено в магию обряда, трудно было сразу подняться до вершин абстрактного мышления. Обрядовое ему было понятнее и убедительнее. Потому и приходилось вводить в него теоретическое, усредняя тем общий план сочинения. Отсюда преобладание внимания к форме, к количественному показателю, – чем больше «вин», тем виноватее виноватый (вспомним: митрополит Георгий насчитал латинских «вин числом 70»).

Если встать на точку зрения И.И. Срезневского, Н.С. Тихонравова, И.Я. Порфирьева и В.М. Успенского, то в разряд переводной полемической литературы надлежит поместить и Толковую Палею. Это памятник, в котором пересказывается с многочисленными дополнениями, комментариями содержание ветхозаветных библейских книг. Ветхозаветный материал используется для построения пространных богословских рассуждений, полемических увещаний через раскрытие символического значения ветхозаветных событий и лиц как прообразов Нового Завета. Греческий оригинал Палеи неизвестен. Поэтому другие ученые (А.В. Михайлов, В.М. Истрин, И.Н. Жданов, В.П. Адрианова-Перетц) считают ее составителями древнерусских книжников.

Ярко выражена антииудейская тенденция в популярном, богатом символикой "Толковании Афанасия Александрийского" (на Руси известно с XI века), которое должно отнести к типу "толковых псалтирей". Здесь рассматриваются в соответствующем ключе христологические пророчества.

В разряд полемической литературы можно отнести и «Лимонис» (извлечение из Патерика Синайского). «Лимонис» через болгарские переводы пришел на Русь не позднее XI века. Он имеет отчетливую

антибогомильскую направленность и составлен в Болгарии в X веке (возможно в окружении Козьмы Пресвитера)¹.

Полемическую литературу, рожденную борьбой Русской Церкви с пережитками язычества, надлежит, конечно, рассматривать в разделе оригинальной литературы. Точно также, как и противолатинские сочинения более позднего времени (например, «Слово, како держат веру немцы» Киевского митрополита Григория Цамблака (1365-1419 ?)).

2.3. История и естествознание в переводных сочинениях церковных писателей

Прежде всего это хроники, или хронографы – типичные произведения византийского средневековья. К IX – X векам эти хроники приобрели совершенно определенную форму, отличную от христианских хроник "античного" типа (последним византийским историком, который придерживался такого жанра, был историк VI века Прокопий). Новые хроники приобрели полурелигиозную окраску. История стала рассматриваться под религиозным углом зрения. По этой причине особое значение приобрела библейская история, что повлияло на само построение хроник.

Византийский хронист, излагая древнейшую историю человечества, не стремится представить наиболее полный срез всемирной истории, а концентрирует свое внимание на истории богоизбранного еврейского народа как народа-хранителя божественной истины, не в пример народам языческим, как народа-предшественника христианства. Это сильно сужало поле рассматриваемого предмета, хотя вполне соответствовало идеологической заданности и взглядам автора. Даже сама история иудаизма переставала интересовать хрониста, как только он доходил до христианской эпохи. Далее начиналось описание истории христианства (в первую очередь

¹ Смирнов И.М. Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917. – XX, 295 с. С.227 – 248.

по Новому Завету) и христианских народов с использованием святоотеческих писаний, местных хроник и в первую очередь хроник византийских.

Поле исторического исследования вновь сужалось. Историк-византиец был уверен, что истинное христианство сохранилось только на Востоке. Со времен Константина Великого и Феодосия Великого Запад постепенно начал отходить от первоначальной евангельской чистоты. Поэтому всемирная история для византийца сжималась до истории Византии, как единственной правоверной христианской страны. Эти воззрения обуславливали и понимание хронистами описываемых событий.

Такие движения в области византийской культуры, которые условно можно назвать периодами возрождения, мы можем замечать в VII, X, XI, XII (при Комнинах) веках. Так называемое "палеологовское возрождение" (XIII – XV вв.) со стороны самостоятельности и самобытности проигрывает прежним¹.

Можно различить два вида пост-"античных" хроник: 1) строго ортодоксальные христианские хроники; 2) хроники, которые возникали в период увлечения античной философией и литературой. В хрониках такого типа вводится история античного мира, преимущественно Греции. Но везде хронист стремился подчинить античный материал (легенды, мифы, истории) в смысле его духовной ценности ценностям христианским. Ему отводилось лишь дополнительное место и придавался вспомогательный характер.

Следуя хронологическому принципу, историк чаще всего формально, механически сопоставляет библейскую историю с античной, с ее мифами и легендами. Так по его мнению во время пребывания Иакова в Египте в Греции обитает бог Кронос, породивший Кронидов. Приблизительно тогда

¹ Дашков С.Б. Императоры Византии. Издательский дом "Красная площадь". М., 1997. – 368 с. С. 282-332.

же совершает свои подвиги Геракл. Создается впечатление, что хронист считал эти персонажи мифов за исторические личности¹.

Римский Запад хронистами почти игнорируется. Хронисты переходят к Тиберию как императору, при котором появилось христианство. А далее идет христианская история, преимущественно православно-византийская.

Таких хроник в Византии было много. Перечень и характеристика наиболее важных из них даны у немецкого ученого К. Крумбахера², часть материалов которого были опубликованы в 1912 году в русском переводе³. Древняя Русь знала и использовала для собственных компиляций ряд таких византийских хроник. Некоторые из них мы здесь кратко упомянем.

1) "Хроника Иоанна Малалы". Иоанн Малала ("ритор", ок. 491-578), клирик Антиохийской Церкви, около 532 года переехал в Константинополь, где и написал свою "Хронику". Сочинение состоит из 18 книг. Начав изложением древнегреческих мифов, Малала продолжил свой труд описанием событий библейской истории (кн. 3), повествованием о персидских царях, лидийском царе Крезе, о македонских царях и о начале Рима (кн. 6). Затем "Хроника" повествует о Ромуле и Реме, первых римских царях до Тарквиния (кн. 7), о преемниках Александра Македонского – Птоломеях и Селевкидах (кн. 8). Далее идет история Юлия Цезаря и римских императоров от Октавиана Августа до Констанция Хлора (кн. 9-12). Затем излагается история римских и византийских императоров от Константина Великого до Юстиниана Великого (кн. 13-18).

В своей "Хронике" "он (Малала) задался целью дать нравоучительное, в духе христианского благочестия, назидательное и в тоже время занимательное чтение для широкой аудитории читателей и слушателей"⁴. На славянский язык "Хроника" была переведена, вероятно,

¹ Сперанский М.Н. История древней русской литературы. Издание четвертое. СПб., 2002. – 541, 1 с. С. 183.

² Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. Изд. 2. München, 1897. – 1193 p.

³ Очерки по истории Византии. Под редакцией В.Н. Бенешевича. Вып. 3. СПб. 1912. – 128 с.

⁴ Удальцова З.В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы. С. 21 // Византийский временник. Т. 32. М., 1971. – 352 с.

еще в X веке в Болгарии. Большой популярностью "Хроника" Малалы все же не пользовалась.

2) "Хроника Георгия Амартола". "Хроника" составлена в IX веке византийским монахом Георгием. В ней излагается всемирная история от "сотворения мира" до 842 года. В X веке "Хроника" была восполнена (вероятно, Симеоном Логофетом) и доведена до 948 года.

"Хроника" состоит из небольшого вступления и четырех книг:

I книга – история до времени Александра Македонского;

II книга - до Юлия Цезаря включительно;

III книга – "Начало Ромейских царствий" (римская и византийская история до крещения Константина Великого);

IV кн. - "Временник о христианских царях".

Третья и четвертая книги "Хроники" изобилуют богословскими рассуждениями, обширными отступлениями – особенно при изложении споров, разгоравшихся на Соборах.

Славянский перевод "Хроники" восходит к IX веку. Существовал он в двух незначительно различавшихся разновидностях. "Хроника" активно использовалась в различных русских хронографических компиляциях, знали ее и летописцы, в частности Нестор¹.

3) "Хроника Георгия Синкелла".

"Хроника" была составлена в начале IX века секретарем Константинопольского патриарха Тарасия Георгием Синкеллом (греч. "сокелейник"). Сочинение Синкелла охватывает всемирную историю от Адама до времени римского императора Диоклетиана (кон. III – нач. IV в.). Русский перевод сделан "в конце первой половины XI века, когда были деланы переводы и других памятников" (В.М. Истрин)².

¹ Шахматов А.А. "Повесть временных лет" ее источники. С. 41-61 // Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР. Т. 4. 1940. – 253 с.

² Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11-13 вв.). Петроград, 1922. – X, 248 с. С. 87.

Библейская история передана в "Хронике" с большими сокращениями. "Хроника" оказала влияние на "Палею Толковую". Сходный с "Хроникой" текст предваряет летопись Авраамки.

4) "Хроника Симеона Логофета".

Эта византийская "Хроника" относится к X веку. Болгарский перевод ее предположительно сделан в XIV веке. Ее текст находится в довольно сложных отношениях с другими византийскими хрониками (Льва Грамматика, Феодосия Мелетинского, Георгия Амартола, Симеона Метафраста, Иоанна Зонары). Вопрос этот пока еще мало изучен¹.

5). "Хроника Иоанна Зонары". "Хроника" содержит описание всемирной истории от "сотворения мира" до восшествия на престол императора Иоанна II Комнина. Славянский перевод осуществлен в Болгарии предположительно около 1170 года. В сербском оригинале существует сокращенная редакция "Хроники" – Паралипомен.

6) "Хроника Константина Манассии".

Византийский писатель Константин Манассия в XII веке создал стихотворную хронику, которая в XIV веке была переведена в Болгарии для царя Ивана Александра. "Хроника" попала на Русь не позднее начала XVI века. В ней излагается всемирная история, особенно Рима и Византии.

Три четверти "Хроники" Манасии вошли в состав всех редакций "Русского хронографа"². Она использовалась авторами "Казанской истории", повестей о Смуте, "О зачале Москвы". Через посредство "Русского хронографа" "Хроника" вошла в состав "Летописи Никоновской", второго и третьего томов "Летописного свода Лицевого".

7) "Летописец вскоре" патриарха Никифора".

"Летописец" представляет собой краткий переводной хронологический свод. Греческий оригинал его состоит из сжатого

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 474-475.

² Салмина М.А. Хроники Константина Манассии как источник Русского хронографа. С. 279-287 // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т 33. Л., 1979. – 463, [1] с.

хронологического перечня лиц и событий, начиная с Адама и до 829 года (год смерти патриарха Никифора). Здесь же приведены списки пяти восточных патриархов Константинополя, Рима, Иерусалима, Александрии, Антиохи.

Перевод "Летописца" на славянский язык предположительно был сделан в Болгарии в конце IX – начале X века. Вскоре в составе Кормчей он попал к нам. Здесь подвергся переработкам. Так возникли вторая и третья редакции "Летописца".

Роль этого сочинения Никифора в древнерусском летописании и хронографии весьма значительна. В этом смысле можно упомянуть "Повесть временных лет", "Изборник 1073 г.", сочинения Кирика Новгородца (XII в.), "Повесть о житии Александра Невского" и многое другое¹.

Вышеуказанные византийские Исторические сочинения, особенно "Хроники" Малалы и Амартола, активно использовались для составления древнерусских хронографических подборок, в виде отрывков входили в сборники различного состава. Можно, к примеру, упомянуть Хронографы – Хронограф по великому изложению (XI в.), Архивский (XIII в.), Виленский (XII в.), Летописец Еллинский и Римский (XIII в.), Троицкий (XV в.), Летописец Переяславля Суздальского (XV в.), Ефросиновский (XV в.), Академический (XVI в.), Софийский (XVI в.), Тихонравовский (XVI в.), Русский (XVI – XVII вв.).

Конечно, "хронографами" и "летописцами" не ограничивался круг исторических сочинений, перешедших к нам с Византии. Отдельные статьи и исторические сведения мы находим в памятниках иного характера – например, в тех же "житиях" святых.

Естествознание. Пограничное положение между церковной и светской письменностью занимала не только средневековая историческая,

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 231-234.

но и естественнонаучная литература, которая, быть может, еще больше чем первая была связана с именами святых Отцов. Почти вся она укладывалась в рамки святоотеческих комментариев на I – II главы библейской книги "Бытие", где повествуется о творении Богом мира и человека и о грехопадении прародителей человечества. Эти комментарии были построены на базе богословия с частичным привлечением современных для той эпохи данных античной и восточной науки. Сама наука того времени была слаба в смысле наблюдения и опыта. Восставать против библейской картины мира, явленной через божественное Откровение, она, конечно, не могла. Более того – сама позиция христианского автора, библейский авторитет являлись тогдашней науке определенной рамкой, критерием проверки ее утверждений.

Но Библия представляет лишь краткий перечень того, что сотворил Бог в шесть творческих дней. Естественная пытливость разума, вложенная Творцом человеческую душу, требовала "наполнения", более пространныго изъяснения картины мира, чтобы реализовать божественное повеление "обладайте ею (землею)" (Быт. 1,28). Так в святоотеческих писаниях появляется "естественнонаучная" струя. Ее представляют в первую очередь так называемые "Шестодневы" как отдельные, самостоятельные творения святых Отцов. Эта же тематика встречается и в некоторых других святоотеческих писаниях, посвященных другим вопросам.

Рассуждения "Шестодневов" строго подчинены христианскому богословию, хотя в них своеобразно соединяются два видения мира дохристианское и христианское. Отсюда критика со стороны христианских авторов: древних "философов мира сего". Так, к примеру, "Философы" считают, что небо состоит из четырех или же пяти стихий. Никто из них, по мнению автора "Шестоднева", не прав, так как Бог сотворил небо невидимое (ангелов) и видимую землю. Рассуждение, как видим, весьма незамысловатое, просто повторяющее библейский текст. Сведения же о животных, птицах, рыбах в лучшем случае полунаучны, а то и вовсе

фантастичны – таково было научное наследие античного мира и Востока тех времен.

Но не это главное в "Шестодневах". Цель, которую они преследуют, – показать, что окружающий нас прекрасный мир есть "училище боговедения", обратить внимание на великое в малом и тем возвысить мысль читателя к Источнику всякого совершенства Богу. Авторы "Шестоднегов" оживляют свое повествование то полемикой с "внешними" мудрецами, то извлечением морального урока, то находками во внешнем знании подтверждений словам Священного Писания. Рассуждения их точны и остроумны, а порой весьма поэтичны, согреты теплом христианской любви к Богу и его творению.

Таким образом "Шестодневы" представляли собой не только образчики церковной письменности, но и своеобразное научное руководство, служили образовательным целям, расширяли умственный кругозор читателя. Они являлись своего рода «научной» энциклопедией своего времени. Однако «они все же философско-богословские, экзегетические, а не естественно-научные сочинения»¹.

Таких "Шестоднегов" в Византии, как и вообще в христианском мире, постепенно накопилось достаточно много. Их составляли такие известные Отцы, как Василий Великий (IV в.). Севериан епископ Гавальский (IV – первая треть V в.), Амвросий Медиоланский (IV в.). Георгий Писидийский (VIII в., "Шестоднев" написан по – гречески в стихах, как поэма о мироздании), Иоанн экзарх Болгарский (вторая половина IX – первая треть X в.) и другие.

На Руси "Шестодневы" появились рано. Тем не менее зачастую это были не полные переводы, а различные компиляции из "Шестоднегов". Так "Шестоднев" святителя Василия полностью был переведен на славянский язык лишь в 1656 году с базельского издания 1551 года Епифанием

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 479.

Славинецким. Особую популярность в южнославянских странах, в том числе и на Руси, имел "Шестоднев" Иоанна экзарха Болгарского¹.

Влияние "Шестоднева" Иоанна экзарха Болгарского на русскую литературу усматривают уже с XI века. Это не удивительно. Иоанн, быть может лучше других авторов подобных сочинений, сумел выразить высокий пафос изумления перед величием мироздания и устройством человека, связал это с внутренней нравственной обязанностью человека быть достойным величия божественного творения. Поэтому казалось бы всеизвестные рассуждения Иоанна о добре и зле сильно трогали читателя.

В "Поучении" Владимира Мономаха, в "Слове о погибели Русской земли", в "Палее Толковой", в сочинениях протопопа Аввакума, который весьма ценил сочинение Иоанна Болгарского, и других произведениях древнерусской литературы усматривают то или иное воздействие Иоаннова "Шестоднева"².

Еще дальше от "Шестодневок" в сторону светской литературы стоял так называемый "Физиолог", Возникновение "Физиолога" относят к греческой (александрийской) традиции I – III веков. Это своеобразный бестиарий, где рассказано о свойствах реальных и легендарных животных, растений и камней.

Обычно "Физиолог" содержит около 50 статей. Каждая из статей двучастна. В первой части описывается животное и его повадки, во второй дается символично-аллегорическое толкование в духе христианского вероучения. Именно эта сторона "Физиолога" дает нам основание не относить его полностью в область светской литературы.

Христианской назидательностью отличаются статьи о льве, слоне, олене, лисице, змее и т.д. Чудесное омоложение ослепшего от старости орла уподобляется обращению грешника к Церкви. Как дятел "носом своим"

¹ Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. // Памятники древнерусской мысли: Исследования и тексты. Вып. II. "Алетейя". СПб., 2001. – 971, [1] с.

² Шестодневы. С. 534-536. // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. 39 (полутом 78). СПб., 1907. – 494 с.

ищет слабое место в дереве, так и диавол выискивает слабое место в душе человека...

Славянские переводы "Физиолога" появились не ранее XII – XIII веков. Но насколько можно понять, отдельные статьи "Физиолога" известны были на Руси значительно раньше. Описание горлицы в "Поучении" Владимира Мономаха явно восходит к "Физиологу". Нечто подобное можно говорить о "Палее Толковой", находить отражение "Физиолога" в "Шестодневе" и особенно в иконописи¹.

Интерес к "Физиологу" не угасал вплоть до конца древнерусского периода. В XVII веке распространяются списки перевода с греческого сочинения Дамаскина Студита, которое восходит к "Физиологу".

Следует упомянуть в нашей работе и византийское космографическое сочинение VI века "Христианская топография", в котором описывается строение Вселенной. Автор его александрийский купец Козьма, прозванный Индикопловом, хотя в Индию он никогда не плывал, а описал ее с чужих слов. Плавал Козьма в трех морях – Ромейском (Средиземном), Аравийском (Красном) и Персидском (Персидском заливе). В конце жизни Козьма принял монашество, ушел на Синай, где и описал свои наблюдения и понимание им устройства мира.

По своему содержанию "Христианская топография" близка таким переводным памятникам, как "Шестодневы", "Физиолог", "Палеи", "Хронографы" и тому подобным сочинениям. В последующие века "Топография" подверглась критике со стороны образованного византийского мира. Отрицательно отзывался о ней ученый патриарх святой Фотий (IX в.).

Научные взгляды Козьмы действительно не впечатляли. Он, например, был противником Птолемея по вопросу шарообразности земли и считал, что земля это возвышенная плоскость, четверугольная,

¹ Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Издание 7-е. «Просвещение». М., 1966. – 544 с. С. 43-44.

продолговатая, покрытая небесным сводом¹. Но сочинение Козьмы все же имеет серьезную церковную ценность.

Дело все в том, что списки "Топографии", начиная с византийского периода, были искусно и богато иллюстрированы. Среди этих миниатюр находились изображения библейских персонажей, священных лиц и предметов – апостолов, святителей, Голгофского Креста, Ноева ковчега и тому подобное. Дошедшие до нас древнерусские списки с полным текстом "Топографии" также богато иллюстрированы. Поэтому "сочинение Козьмы представляет особую важность для изучения иконографических тенденций и стилей древнерусской письменности, приемов и техники византийских мастеров"².

Вопрос о времени и редакциях перевода "Топографии" до сих пор не решен. Однако наличие отрывков текста из нее в Софийском сборнике (XIV – XV вв.) и древность языка памятника дают возможность предположить о довольно раннем появлении сочинения Козьмы на Руси.

2.4. Роль переводов в становлении древнерусской оригинальной литературы (на примере летописей)

Ярким и самобытным явлением всей древнерусской литературы являются летописи. Это своего рода энциклопедия русской жизни, вобравшая в себя огромный и разнохарактерный материал. Летописи вышли далеко за рамки сухих исторических хроник. Академик Д.С. Лихачев писал: «Основное заключалось в том, что сама русская почва была хорошо подготовлена для слова. «Дарам Волхвов» из создания искусства далеких стран предшествовали «дары своих пастухов» – представителей неученой мудрости народа.

¹ Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Издание 7-е. «Просвещение». М., 1966. – 544 с. С. 44-45.

² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с. С. 466.

Ко времени появления на Руси литературных произведений Византии и Болгарии на огромной русской территории было уже развито искусство устной речи.

В Начальной русской летописи отразились устные предания, топонимические легенды, исторические песни, славы, певшиеся князьям, пословицы и поговорки»¹.

Но все было бы напрасным, все бы рассыпалось на мелкие осколки фрагментов и отдельных сообщений, если бы летописные своды не пронизывал единый взгляд на мир и человека в нем, если бы осмысление мировой и национальной истории не опиралось на общий фундамент единого мировоззрения. Взгляд же этот был религиозным, а мировоззрение христианским.

Поэтому для летописца всемирная история это не история вообще, а в первую очередь Священная история, которой сопричастна и в которую со времени «исторического прозрения народа» во Христе вписана и история его Отечества. «Замечательно, – говорит В.Д. Ключевский, – что в обществе, где сто лет с чем-нибудь назад еще приносились идолам человеческие жертвы, мысль уже училась подниматься до сознания связи мировых явлений»².

Нравственные ориентиры летописи чисты и безупречны. Они вырастают из Слова Божия. А потому летописец никогда не проходит мимо тех событий, которые утвердили и явили в русской жизни закон Христов, мимо тех лиц, которые приблизились к идеалу христианского совершенства. Задача летописи – дать потомкам живые образцы для подражания через историю их предков, предостеречь от нарушений вечных законов Вечного Бога.

Такое понимание и такой подход летописцев к своему труду мог привести только к одному результату – летопись должна была отразить

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI – XII века. "Наука". СПб., 2000. – 544 с. С. 18.

² Ключевский В.Д. Курс русской истории. Т. I. Издание 4. М., 1911. – 464 с. С. 107.

широкий спектр церковных тем и сконцентрировать в себе немалый объем патрологического материала, без учета и изучения которого русская патрология немислима.

Летописание, зародившись в XI веке, не прерывалось на Руси вплоть до XVII века. Несмотря на утерю многих летописей, дошедший до нас летописный корпус огромен. Еще в XVIII веке В.Н. Татищев в вопросе о дате основания города Суздаля мог цитировать некую летопись под 982 годом о том, что великий киевский князь Владимир Святославич «иде в поле и, покорив землю польскую, град Суздаль утверди»¹. Теперь этот источник утерян. А как бы он пригодился в связи с укоренившимся заблуждением считать датой основания Суздаля 1024 год. Точно также и Н.М. Карамзин называет 1116 год временем построения Спасской церкви во Владимире, ссылаясь на летопись времен великого князя Василия Темного. Где она теперь?

Издание русских летописей началось еще в первой половине XIX века (первый том вышел в 1846 году). Переиздания, Фототипические воспроизведения «Полного собрания русских летописей» или отдельных памятников продолжаются и поныне. Однако, многие тома уже изданного и научно обработанного неоценимого наследия наших предков до сих пор сквозным образом так и не рассмотрены нашими церковными историками и патрологами хотя бы на тему простого вычленения из него патрологического материала, не говоря уже об анализе и оценках.

Работа эта крайне необходима для Русской Православной Церкви. Будем надеяться, что она когда-нибудь будет выполнена. Без предварительной системной проработки этого материала в наибольшей его полноте занятия русской патрологией древнего периода всегда будут страдать ущербностью.

¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. М.-Л. 1963. – 352 с. С. 57.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в настоящей Выпускной квалификационной работе материал касается переводной церковной литературы Древней Руси. В работе представлена роль библейских переводов в общем процессе становления и развития древнерусской литературы.

В настоящей работе не только рассмотрен, но в определенном смысле и решен вопрос своеобразия древнерусских переводов. Сделаны наблюдения о характере переводной литературы. К примеру, выявлено такое обстоятельство, что в Великих Четвх-Минях митрополита Макария собраны не только догматически доброкачественные тексты, но и ряд «отреченных» книг, то есть апокрифов. Автором работы сделан вывод, что не только в XVI, но и в XVII веке догматическое сознание в Русской Церкви оставляло желать лучшего.

В работе показано как переводная агиографическая литература повлияла на устное народное творчество выразившееся в духовных стихах, песнопениях и былинах. Указаны причины тяготения русских христиан к святоотеческим переводам назидательного характера, а также возникновения сборников "катен" (цепей) – отрывков из святоотеческих поучений. Рассмотрен вопрос анонимности древнерусской литературы. Довольно обстоятельно в работе показано влияние переводной литературы на возникновение литературы оригинальной и введение ее в область литературы всего христианского мира.

Из византийской церковной письменности на русской почве в настоящей работе рассмотрена богослужebная, агиографическая, каноническая, учительная, церковно-историческая литература. Кроме того, уделено внимание переводной литературе по естествознанию поскольку Библия в текстах касающихся сотворения мира касается этих вопросов. На примере летописей в работе показана роль переводной литературы в становлении литературы оригинальной.

Таким образом, задачи поставленные для исследования в настоящей Выпускной квалификационной работе выполнены и работа может быть полезна для всех интересующихся вопросом переводной древнерусской церковной литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрианова В.П. Из истории русской агиографии XVI в. С.146 – 154. // Сборник в честь 30-летней деятельности А.И. Малеина. Петроград, 1922. – 374 с.
2. Алфавитная синтагма. С. 63 – 64. // Православная энциклопедия. Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. II. Церковно-научный центр "Православная энциклопедия". М., 2001. – 752 с.
3. Амфилохий, архимандрит. Исследование о Пандекте Антиоха XI в., находящемся в Воскресенской Новоиерусалимской библиотеке. М., 1880. – 184 с.
4. Архангельский А.С. К изучению древнерусской литературы: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888. – 146 с.
5. Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности: Извлечение из рукописей и опыта историко-литературных изучений. Т. 1 – 4. Казань, 1889.
6. Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. // Памятники древнерусской мысли: Исследования и тексты. Вып. II. "Алтейя". СПб., 2001. – 971, [1] с.
7. Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI – XII века. "Наука". СПб., 2000. – 544 с.
8. Библиотека Литературы Древней Руси. Том 2. XI – XII века. "Наука". СПб., 2000. – 556 с.
9. Библиотека литературы Древней Руси. Том 3. "Наука". СПб., 2000. – 414 с.
10. Библия. С. 89 – 200. // Православная Энциклопедия. Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Том V. Церковно-научный центр "Православная энциклопедия". М., 2002. – 752 с.
11. Будилович А.С. Тринадцать слов Григория Богослова в древнеславянском переводе. СПб., 1875. – XII, 285 с.

12. Буланин Д. Предисловие. С.3-4. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с.
13. Варьяс М.Ю. Краткий курс церковного права. Учебное пособие. МЗ–Пресс. М., 2001. – 127 с.
14. Введение христианства на Руси. Сборник Института философии АН СССР. "Мысль". М., 1987. – 302 с.
15. Вестник Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1959. №1-3.
16. Ветхозаветные апокрифы. " Фолио ". М., 2001. – 751, [3] с.
17. Владимиров П.В. Древнерусская литература киевского периода. Киев, 1901. – 480 с.
18. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов на - Дону, 1995. – 639 с.
19. Горбачук Георгий, протоиерей. Благоверный князь Андрей Боголюбский: лик и личность. "Свет невечерний". Журнал Владимирской епархии. №3. 2002. Владимир.
20. Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Издание 7-е. «Просвещение». М., 1966. – 544 с.
21. Дашков С.Б. Императоры Византии. Издательский дом "Красная площадь". М., 1997. – 368 с.
22. Древне-славянская кормчая: XIV титулов без толкований: Т. 1. / Труд В.Н. Бенешевича; изд-е Отд. русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, Т. 1. 1906. – V, 837 с.
23. Жуковская Л.П. Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. (в научном аппарате к факсимильному изданию "Изборника"). Изборник Святослава 1073 г. М., 1983. – 534 с.

24. Иванова Т.А. Заметки о лексике Синайского Патерика (К вопросу о переводе Патерика Мефодием). С. 149-152. // Проблемы современной филологии: Сборник статей к 70-летию академика В.В. Виноградова. М., 1965. – 475 с.
25. Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Часть 1. Раздел 2. М., 1896.
26. Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Часть VI. М., 1901.
27. История русской литературы. Т. I. М.-Л., 1941. – 404 с.
28. Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и летопись. С. 380-382 // Известия отделения словесности Академии наук. Т.29. Л., 1925.
29. Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11-13 вв.). Петроград, 1922. – X, 248 с.
30. Їзборник Святослава 1076 року і патерики. Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. Т.3. Київ, 1931. С. 11-15.
31. Калиновская В.Н. К изучению древнейших поучений и слов против пьянства. С. 60-61 // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. – 272 с.
32. Клибанов А.И. Реформационное движение в России в XIV - первой половине XVI в. М., 1960. – 411 с.
33. Ключевский В.Д. Курс русской истории. Т. I. Издание 4. М., 1911. – 464 с.
34. Книга Еноха. Библиотека литературы Древней Руси. Том 3. XI - XII века. " Наука ". СПб., 2000. – 414 с.
35. Книга Юбилеев. Заветы двенадцати патриархов. Ветхозаветные апокрифы (о чем молчит Библия). ЗАТ "Україно́ст". Київ, 2003. – 253 с.
36. Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI - середина XV в.). "Языки русской культуры". М., 2000. – 199 с.

37. Лебедева И.Н. К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и древнерусской литературы Иосафе в составе Пролога. С. 41-53 // Труды отдела Института русской литературы АН СССР. Т.37. М., 1983. – 424 с.
38. Лихачев Д.С. Великое наследие. М., «Современник», 1975. – 367 с. илл. («Любителям российской словесности»).
39. Львов А.С. Рецензия: Синайский патерик. М., 1967. С. 107-110. // В журнале Славянское славяноведение. 1971, № 6.
40. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга вторая. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1985. – 704 с.
41. Михайлов А.В. К вопросу о греко-византийских и славянских сборниках изречений. С. 15-59. // Журнал министерства народного просвещения. 1893, январь.
42. Нилус С.А. Полное собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Общ. ред. А.Н. Стрижёв. – М.: Великий Градъ, 2014. – 560 с.
43. О составлена линейных Торжественников XV – XVI вв. Сибирская агиография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 278 - 284.
44. Отчет о 19 присуждении премий гр. Уварова. Спб., 1878. – - [4], 420 с.
45. Очерки по истории Византии. Под редакцией В.Н. Бенешевича. Вып. 3. СПб. 1912. – 128 с.
46. Павлов А.С. Курс церковного права. Св. Троице-Сергиева Лавра, 1902. – 539, VI с.
47. Палаузов С.Н. Век Симеона Болгарского. Спб., 1852. – 166 с.
48. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под редакцией А.И. Пономарева. Вып. I. Спб., 1894. – 200 с.
49. Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. – 704 с.

50. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. – 616, [4] с.
51. Перображенский В.С. Славяно-русский скитский патерик: Опыт историко-библиографического исследования. Киев, 1909. – 220 с.
52. Петров Н.И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (Иноземельные источники). Киев. 1875. – 340 с.
53. Повесть Временных лет. С. 194 // Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI – XII века. "Наука". СПб., 2000. – 544 с.
54. Полевой Н. Предания в России о царе - священнике Иоанне. Московский телеграф. 1825, №10, май.
55. Пономарев Л.И. К литературной истории древнерусских сборников "Златая цепь". С. 1-32. // Ученые записки Казанского университета. Кн. 8. 1916. – 176 с.
56. Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI - XV вв.). М., 1875. – VIII, [2], 418 с.
57. Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890. – 471 с.
58. Потапов П.О. Судьба хроники Зонары в славянорусской литературе. С. 141-186. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 22. Кн. 2. 1918. – 385, V с.
59. Прохоров Г.М. "Диоптра" Филиппа Пустынника - "душезрительное зеркало". Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. – 225 с.
60. Прохоров Г.М. Корпус сочинений с именем Дионисия Ареопагита в древнерусской литературе: (Проблемы и задачи изучения). С. 351-361 // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 31. Л., 1976. – 403, [1] с.
61. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV - XV веков. "Наука". Л., 1987. – 292, [1] с.

62. Салмина М.А. Хроники Константина Манассии как источник Русского хронографа. С. 279-287 // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т 33. Л., 1979. – 463, [1] с.
63. Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. – IV, 186, VI с.
64. Сидоров А.И. Курс Патрологии. Возникновение церковной письменности. М., 1996. – 349 с.
65. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издательство "Наука". Ленинградское отделение. Л., 1987. – 496 с.
66. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. "Наука". Л., 1988. – 518 с.
67. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. "Наука". Л., 1989. – 528 с.
68. Смирнов И.М. Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917. – XX, 295 с.
69. Смирнов И.М., священник. Синайский патерик в древнеславянском переводе: Сергиев Посад. 1917. – XX, 295 с.
70. Соболевский А.И. Отзыв о труде свящ. И.М. Смирнова: Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917. С. 293-294 // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т.23. Кн. 2. Петроград, 1921.
71. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV – XVII веков. СПб., 1903. – 470 с.
72. Сперанский М.Н. История древней русской литературы. Издание четвертое. "Лань". СПб., 2002. – 541, 1 с.
73. Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славянской письменности. М., 1905. – 777 с.

74. Срезневский И.И. Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанного преподобного Феодосию Печерскому. С. 34-43. // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук. Т. 1. Спб., 1867. – 413 с.

75. Суворов Н. Учебник церковного права. 5 - е издание. М., 1913. – 535 с.

76. Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. М.-Л. 1963. – 352 с.

77. Творогов О.В. Описание и классификация списков сборника "Златоуст". Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т.99. Л., 1985. – 461 с.

78. Турилов А.А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV – XVI вв. С.39-44 // Теория и практика источниковедения и агиографии отечественной истории. М., 1978. – 146 с.

79. Удальцова З.В. Мироззрение византийского хрониста Иоанна Малалы. С. 21 // Византийский временник. Т. 32. М., 1971. – 352 с.

80. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Дата обращения 20.05.2023 г.)

81. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. Издательство МГУ. М., 1982. – 248 с.

82. Федер В.Р. Сведения о славянских переводных патериках. С. 215-217 // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. М., 1976. – 484 с.

83. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X – XIII вв. /Примеч. С.С. Бычков. – М.:Мартис, 2001. – 382 с.
84. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Обзор духовной литературы. Кн. 1. 3-е издание. СПб., 1884. – 511 с.
85. Филевский И. Учение Православной Церкви о Священном Предании. Апологетическое Исследование. Харьков. 1902. – 656 с.
86. Цыпин В., протоиерей. Церковное право. Курс лекций. Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви. М., 1994. – 440 с.
87. Шахматов А.А. "Повесть временных лет" ее источники. С. 41-61 // Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР. Т. 4. 1940. – 253 с.
88. Шестодневы. С. 534-536. // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. 39 (полумом 78). СПб., 1907. – 494 с.
89. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI - XIII вв. М., 1978. – 291 с.
90. Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Jitteratur. Изд. 2. München, 1897. – 1193 p.
91. Правовой режим земельных владений в Московском государстве. URL: <https://studfile.net/preview/2564513/page:19/> (Дата обращения 25.05. 2023 г.).